ГЛАВА VII*

НЧК КАК ГЛАВНОЕ СРЕДСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ВОЕННЫМ УГРОЗАМ

Значение российского НЧК как средства защиты национальной системы ценностей и национальных интересов

… главное, что будет определять, — это качество людей, качество общества: интеллектуальное, духовное, моральное[1].

В. Путин,
Президент России

… вопрос обретения и укрепления национальной идентичности действительно носит для России фундаментальный характер[2].

В. Путин,
Президент России

Противодействие внешнему влиянию субъектов международной и военно-политической обстановки (МО и ВПО) с помощью институтов НЧК становится в XXI веке самой актуальной задачей, от решения которой зависит переход внешнего влияния на стадию внешней опасности и даже стадию внешней и внутренней военной угрозы. Как показали события в Югославии, Ираке, Ливии и на Украине, последовательность этих стадий и темпов перехода прямо связаны с тем, насколько сильны национальные институты НЧК и, наоборот, насколько внешним силам удалось сформировать противостоящую им оппозицию.

Это объясняется тем, что в XXI веке способность и выживаемость нации и государства зависит прежде всего от способности защитить свою систему национальных ценностей и национальные интересы. Эта способность — производная от государственных и общественных институтов НЧК. Собственно политическое и военное противоборство одних субъектов МО и ВПО с другими перемещается из противоборств государств в противоборство самостоятельных наций и организованных сообществ внутри самой нации. Если говорить о противоборстве субъектов, обладающих крупными военными потенциалами (тем более ОМУ), то это противоборство фактически уже превратилось в силовое противоборство невоенными средствами, т.е. институтами НЧК. Прежде всего тех средств, которые составляют институты развития НЧП — общественные организации, СМИ и т.д.

Необходимо ясно видеть зависимость темпов развития и качества НЧК от главной политической цели современного развитого государства, — защиты национальных интересов и продвижения (в том числе насильственного) чужой системы ценностей.

* Данная глава подготовлена в соавторстве с аспирантами МГИМО(У) Д.О. Салюковым и В.О. Родионовой.

Развернувшаяся в XXI веке острая борьба за продвижение национальных систем ценностей будет в конечном счете определять и основные направления мировой политики. В том числе и военной области стратегических наступательных и оборонительных вооружений.

По сути дела в XXI веке началась схватка между цивилизациями, отражающими ту или иную систему ценностей, а не между государствами, которые являются всего лишь институтами соответствующих наций и обществ. Сегодня доминирует либеральная, но набирает силу исламская, китайская, индийская, бразильская системы ценностей. Так или иначе, но России неизбежно предстоит определиться, присоединяться ли к одной из доминирующих систем, в том числе и с военно-политической точки зрения (выражаемой в блоково-коалиционном подходе), либо отстаивать свою национально-цивилизационную, историческую, духовную и геополитическую роль в мире.

Надо понимать, что «присоединение» к одной из существующих ценностных систем будет означать простое поглощение национально-ценностной российской системы.

На это и нацелена стратегия дезинтеграции России, которая является очередным этапом ликвидации геополитического противника. Еще в конце 80-х годов XX века в США были разработаны долгосрочные планы, предусматривающие постепенное сужение «русского ядра» в Евразии. В частности, предполагалось:

— на первом этапе дезинтегрировать и развалить Организацию Варшавского Договора (ОВД), что и произошло в 1991 году;
— на втором этапе оторвать от СССР Прибалтику и, если возможно, страны Средней Азии (которые, после того как это произошло, стали называться странами Центральной Азии), что и произошло в декабре 1991 года;
— на третьем этапе планировалось развалить союз славянских республик России, Украины и Белоруссии, что в итоге совпало с общей ликвидацией СССР (т. е. вторым этапом);
— на четвертом этапе предполагалось разделить Россию, взять под контроль транспортные коридоры, ресурсы и акватории, изолировав европейскую часть страны от Европы, Сибири и Средней Азии.

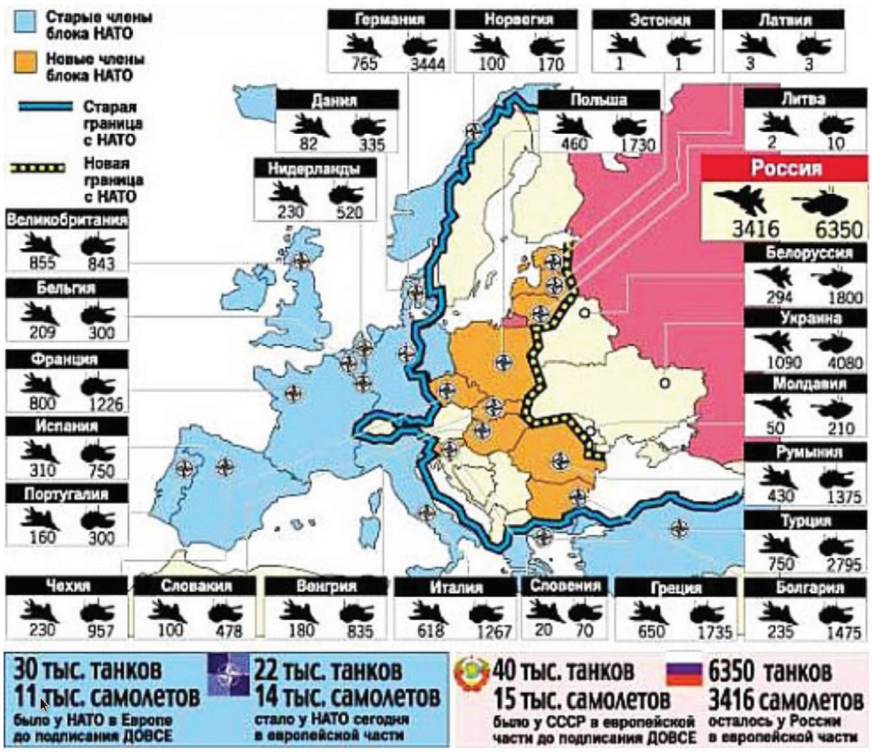
Сегодня видно, что последовательность в принципе соблюдена, а следующим этапом будет попытка дезинтеграции России, где основной упор делается на:

— национализм регионов;
— региональные элиты;
— инфраструктурную слабость;
— всемерное раздувание социально-экономических трудностей;
— создание оппозиции власти, способной озвучивать, а затем и реализовывать этот сценарий.

Если попытаться объединить эти цели неким общим знаменателем, то видно, что основной упор, общая идеологическая платформа такой стратегии заключается в размывании системы национальных ценностей, ее вытеснении другими ценностными системами из НЧК и его институтов. Сказанное означает, что усилия сосредоточены на вполне конкретных вещах, формирующих национальную идентичность и общественно-политическую систему страны, — науке, культуре, образовании (НЧК) и институтах их реализации — государственных и общественных, — которые должны быть либо вытеснены, либо деформированы, либо ликвидированы.

Такая угроза постоянно существовала в истории России, начиная с IX века, но особенно острой она

Куда идет «Арабская весна»



Источник: http://zdvs1.ucoz.ru/chitelya/Hrenova/nato.pptx

стала в XIII–XVI веках, когда Россия оказалась «зажатой» между католической Литвой и Польшей на западе и кочевниками на юге и юго-востоке. Позже, в XIX–XX веках, эта угроза вновь возникла, превратившись в конце XX века в практическую угрозу уже не только суверенитету, но и национальной целостности и даже национальной идентичности.

«Холодная война» 1949–1990 годов, как военно-политическая форма борьбы, уступила место «холодному миру», который в переходный период 1990–2010 годов оказался более угрожающим для нации, чем прямое противостояние.

Во всяком случае последствия для России и бывших республик СССР после окончания «холодной войны» оказались более катастрофическими. В том числе и военно-политические, и геополитические.

Именно в эти годы был нанесен самый мощный удар по российскому НЧК — прежде всего его демографическому, научному, образовательному, нравственному компоненту. Развал ОПК и ВС — лишь одно из многих, и, может быть, даже не самое главное последствие такого «холодного мира».

На самом деле «холодный мир» с точки зрения безопасности России мало чем отличается от «холодной войны». Главное, пожалуй, тем, что для России он оказался более опасен. Прежде всего тем, что возможностей противодействия стало на порядки, в десятки раз, меньше, а также тем, что «холодная война» из области международных отношений распространилась на все постсоветское пространство — во взаимоотношения различных элит постсоветских государств и различных слоев общества. Изменилось

Вооруженные силы ведущих государств в начале XXI в.[3]

Государство	Стратегические ядерные силы, ядерные боеголовки	Сухопутные войска, тыс. чел.	Число танков	Военно-морской флот, тыс. чел.	Военно-воздушные силы, тыс. чел.	Число боевых самолетов	Общая численность, млн чел.
Россия	5800	348	12 000	172	185	1500	1
США	7100	472	7900	371	354	2700	1,4
Великобритания	200	114	616	44	55	429	0,2
Франция	220	170	834	50	61	517	0,4
Китай	300	1700	8000	220	420	40 000	2,5
Германия	—	221	2815	27	73	457	0,3
Япония	—	147	1070	43	44	331	0,25
Индия	40	1100	3414	53	150	774	1,3
Бразилия	—	190	178	49	50	268	0,3

и общее соотношение военных сил в мире, Евразии и в Европе к началу XXI века, которое привело к тому, что Россия стала одной из великих военных держав наравне с десятком других.

Вместе с тем сохранившийся военный потенциал России в начале XXI века обеспечивал ей такое состояние, когда риски возможных военных действий превышали значительно вероятные политические, экономические и иные преимущества. Поэтому стратегия «размывания» системы национальных ценностей извне и изнутри стала главной политической стратегией по отношению к России.

«Холодная война» ведется в том числе и в России, где часть либеральной элиты не только сама определилась с выбором цивилизационно-ценностной системы в пользу западной системы, но и хочет того же от всей нации и государства. Не случайно этот выбор проявляется особенно выпукло в самом широком спектре противоречий — от отношения к государству, социуму, экономике, выражаемому часто в «случайных» проявлениях отношения к РПЦ, культуре, образованию, силовым структурам и т. д., — до споров в отношении оборонной политики и обострении дискуссий вокруг ГОЗ. Конкретные решения по вопросам развития ОПК становятся следствием такой борьбы, ее заложниками, предопределяются в основном господствующей в то или иное время точкой зрения той или иной части правящей элиты. Так, развитие НЧК в ОПК и ВиВТ во многом предопределяется не только решением президента и правительства, сколько существующей финансовой и экономической политикой, отношением в целом правящей элиты. Эти решения (особенно в отношении таких элементов НЧК, как наука, культура, образование) нередко носят противоречивый характер.

Именно в этом контексте следует рассматривать дискуссию о модернизации Вооруженных Сил, американской системы ПРО, евразийской интеграции и ВКО России, ОДКБ, СНГ. Так, строительство новых корпусов ОАО «Государственного Обуховского завода» велось на условиях коммерческого кредита, т. е. на тех же условиях, на которых работают фирмы, занимающиеся «купи–продай». Известный экономист М. Хазин очень точно характеризует ситуацию внутри российской элиты, сложившуюся в начале 2013 года: «Те, кто постарше, хорошо помнят лозунг „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“ Придуман он был еще в XIX веке, когда были надежды на то, что пролетарская идентичность окажется выше, чем, скажем, национальная. Эта надежда оказалась иллюзорной, однако, как выясняется, есть некоторые другие виды идентичности, которые оказались более привлекательными для некоторых особей, чем и пролетарская, и даже национальная. Это идентичность либеральная[4].

Либеральная идентичность в российских условиях направлена против национальной системы ценностей, что проявляется в конкретной финансовой и социально-экономической политике. Эта либеральная идентичность ведет прежде всего к стагнации в развитии НЧК и его институтов, что подтверждает статистика ПРООН, где Россия устойчиво «освоила» место в седьмом десятке государств по ИРЧП.

Более того, мы можем констатировать, что по отношению к национальной системе ценностей сложились устойчивые социальные группы в самой правящей элите. Вкратце ситуация выглядит так: сегодня идет острая борьба между российскими либералами и Президентом России Путиным. Путин отчаянно хочет заставить правительство и Центробанк реализовать его предвыборные обещания и обеспечить более или менее приличный экономический рост, либералы демонстративно объясняют ему, что это невозможно и занимаются откровенным вредительством»[5]. И далее: «… Особо остро эта ситуация встала в последние недели, поскольку Путин поручил Академии наук разработать концепцию реформирования российской экономики, обеспечивающую „устойчивое развитие“. Она тут же была раскритикована либералами, хотя с их стороны именно сегодня это выглядит смешно, с учетом того, что лозунг нынешнего „Давоса“, одной из „Мекк“ либералов, выглядит как „Устойчивый динамизм“. Кто хочет, может написать диссертацию о нюансах различия этих терминов»[6].

Это обстоятельство (отношение к национальной системе ценностей и НЧК) является главным ключом к пониманию роли современной военной силы вообще, и в частности, такой проблеме, как ВКО. Что нередко упускается из виду, особенно когда речь идет исключительно о военно-технических аспектах. Реальность такова: США и ряд других государств будут развивать такой военный потенциал, который должен дать им в любое время по своему усмотрению возможность использовать военную силу против любого государства, как минимум, в качестве «силового фона» для политики дезинтеграции этого государства невоенными силовыми средствами. Внешняя военная угроза должна политически выглядеть очень убедительной для того, чтобы механизмы дезинтеграции, в т. ч. внутренняя военная угроза были эффективны.

Как пишет бывший помощник Президента России Д. Рюриков (которому, безусловно, не откажешь в компетентности суждения), говоря о правящей элите США, «…если лица, принимающие решения, сочтут это необходимым, война может быть начата в любой момент»[7].

Другими словами, основное требование американской правящей элиты к своим вооруженным силам — постоянная боеготовность и способность поддержать немедленно политические решения, созданием военной угрозы для того, чтобы алгоритм стратегии дезинтеграции не встречал сопротивления у другой стороны, исключал использование ее защитных военных средств.

В этих условиях меняются представления о самом понятии «военной безопасности», которое сегодня определяется прежде всего способностью госу-

дарства обеспечить защиту системы национальных ценностей с помощью средств, концентрирующихся прежде всего в качестве НЧК и его институтов. Пример переворота на Украине, в этой связи, очень показателен: там произошла одновременная эрозия НЧК и его институтов, с одной стороны, и появление иных институтов, их ускоренное развитие, наконец, превращение во внутреннюю военную угрозу существовавшей политической системе.

На всех этих этапах внешняя военная угроза со стороны НАТО, США и Евросоюза обеспечивала сильное влияние на внутриполитические процессы на Украине, вплоть до прямого диктата руководству страны. Этот диктат не позволил изначально использовать военную силу против внутренней военной угрозы, а вскоре привел к смене правящего режима и изменению политического курса. Конечный итог — реализация геополитической цели, предполагавшей не допустить интеграции Украины, России, Белоруссии и других стран.

Надо сказать, что это качество ВС США обеспечивается достаточно высоким уровнем поддержания НЧК США не только в вооруженных силах, но и науке, и промышленности, которое постоянно повышается. Не случайно, например, что в условиях отсутствия военной угрозы США их военной бюджет вырос за последнее десятилетие почти на 100%.

Снижение уровня НЧК потенциальных противников и ликвидация его наиболее эффективных институтов развития таким образом, выступает главным инструментом в реализации геополитических целей: продвижения своих ценностей и интересов в глобальном масштабе. По этому поводу известный французский аналитик Ж.-Б. Пинатель пишет следующее: «…американская политика ставит целью поддерживать постоянную нестабильность на Ближнем Востоке и в Каспийском бассейне. Цель США — тормозить экономическое развитие наших соседей путем захвата их ресурсов, нанести ущерб развитию Европы и России, лишать их рынков сбыта продукции, и, наконец, всеми возможными способами помешать созданию стратегического союза от Дюнкерка до Урала, который стал бы третьим участником системы международных отношений, способным противостоять амбициям Вашингтона»[8].

В этой связи по-новому следует рассматривать такое понятие, как «военный потенциал государства». Сегодня не существует четкой границы между «мягкой» и «жесткой» силой, между внешней опасностью и военной угрозой. Информационное, кибернетическое, культурное воздействие против НЧК и его институтов уже стало обязательной первой фазой военных действий. Национальный человеческий капитал (НЧК) в этих условиях играет ведущую роль для формирования собственно военного потенциала, которая определяется следующими обстоятельствами:

Во-первых, НЧК является главным фактором роста современной экономики и военной экономики любой страны. Это тем более верно для обрабатывающих отраслей промышленности и оборонно-промышленного комплекса (ОПК). В частности, в российском ОПК занято до 70% квалифицированных научно-технических кадров страны. К сожалению, Россия по этому показателю не входит в число стран-лидеров, стабильно занимая место в седьмом десятке государств. Лишь в последнее десятилетие заметна некоторая позитивная динамика по ряду критериев, определяющих качество НЧК. Как видно из приведенных ниже примеров, качество НЧК улучшается медленно. (рис. 1)

Во-вторых, уровень развития НЧК определяет уровень развития политических и социальных институтов, способность влиять на другие государства (в форме «мягкой силы») и противостоять такому влиянию, препятствуя подготовке условий для

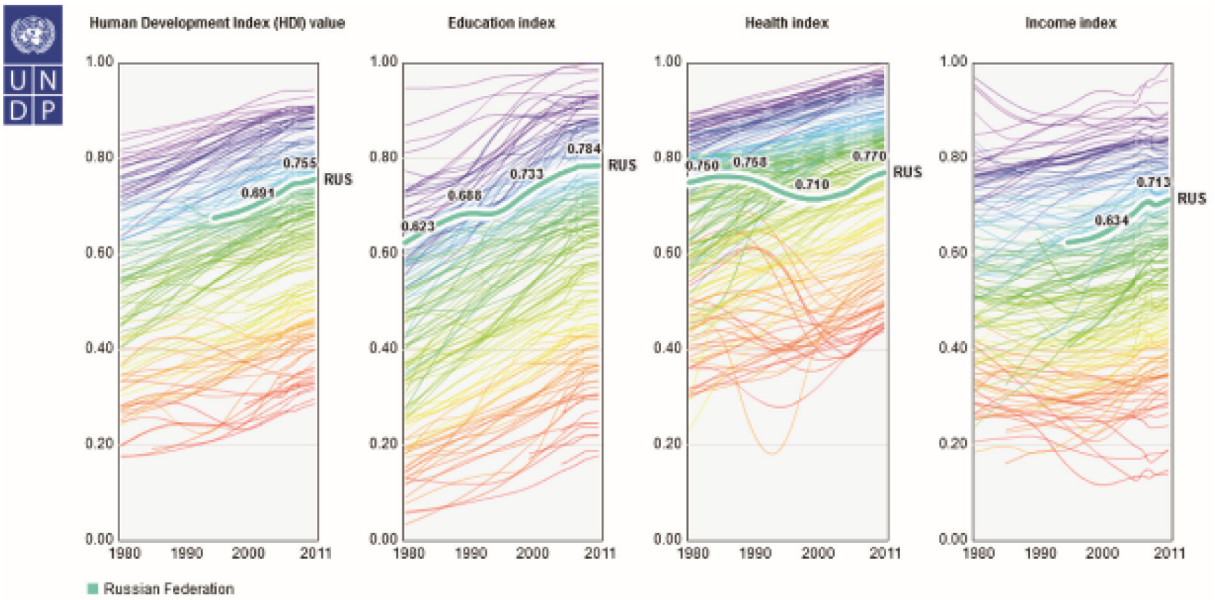


Рис. 1.

использования военной силы («hard power» или «жесткой силы»). Граница между этими формами очень условна: переход информационного и кибер воздействия, например, в откровенно враждебную фазу является фактическим началом войны, но этот переход ведь очень условен, хотя именно в 2012–2013 годы он фактически легализован США.

В-третьих, качество НЧК предопределяет качество политической и управленческой элиты и эффективность принимаемых ею решений, снижает издержки (в т.ч. коррупционные), ускоряет реакцию, позволяет избегать крупных ошибок и просчетов. В-четвертых, качество НЧК определяет способность государства к самостоятельному технологическому развитию, которое в военной экономике является решающим фактором. Так, например, принятое решение о закупке французских вертолетоносцев «Мистраль», очевидно ошибочно, по меньшей мере, по следующим причинам:

— пока что до конца не определена роль и место этих кораблей в военной доктрине и стратегии их использования ВМФ РФ (что, кстати, уж признало МО);
— эти суда оснащены современными ВВТ, которые должны будут эксплуатироваться и обслуживаться в России. Некоторое представление о сложности такой задачи дает схема, приводимая ниже[9];
— наконец, очередная попытка зарубежного технологического «заимствования» могла бы быть оправдана, если бы такие суда невозможно было бы строить в России. Новый министр обороны был вынужден сделать на этот счет специальное заявление: «Российские заводы должны быть готовы к большим заказам со стороны Министерства обороны, так как техника, необходимая для перевооружения армии, будет закупаться за рубежом, только если иссякнут надежды на российские компании» — это заявление министр обороны С. Шойгу сделал в интервью телеканалу «Россия»[10]. Он подчеркнул, что закупать за границей технику, необходимую для обороны страны, иногда быстрее, но не перспективнее. Шойгу считает, что в будущем необходимо прийти к тому, чтобы сервисное обслуживание всей оборонной техники осуществляли тоже заводы-изготовители: «И тут мы с вами говорим о большой теме, которая называется „контракт жизненного цикла“ — от постановки на вооружение и передачи нам, до утилизации. Это большая работа, потому что мы должны часть заводов Минобороны передать компаниям и крупным промышленным объединениям, которые занимаются и наукой, и опытно-конструкторскими работами, и производством техники»[11].

В-пятых, качество НЧК во многом оказывает решающее воздействие на качество вооруженных сил, темпы и качество развития ВВТ, является решающим в развитии фундаментальной науки и НИОКР. Это, безусловно, надо иметь в виду, так как сегодня именно человеческий потенциал в области фундаментальных наук и НИОКР предопределяет не только современное состояние экономики и военной мощи, но, главное, его будущее. В этом смысле инвестиции в науку и образование, в том числе военную, это самые выгодные для нации инвестиции.

К сожалению, это далеко не всегда осознается российской правящей элитой, которая недооценивает значение этих факторов в гражданской и военной областях. Так, относительная доля финансирования военных НИОКР, запланированная еще в первом десятилетии при прежнем руководстве МО, будет падать (с 22% до 16%), что совершенно неоправданно. Как, впрочем, и проведенная «реорганизация» военной науки[12], которая привела к ее деградации.

Есть и другие факторы влияния НЧК на эффективность общества, экономики, ВС и ОПК, что в конечном счете проявляется на возможностях ВКО. Если посмотреть, как это влияние проявлялось в России в последние годы, то нетрудно обнаружить, что отставание в темпах развития НЧК прямо и негативно отразилось как на возможностях Вооруженных Сил России и на качестве ВВТ, так и на эффективности ВКО. Примеров можно привести множество — от дезорганизации и псевдореформ в МО и ГШ до развала целых отраслей ОПК и, как следствие, значительном снижении эффективности ВКО.

Сводная таблица по военным расходам России и структуре ГОЗ в 2010–2013 гг.

Годы	2010	2011	2012	2013
Бюджет МО, млрд руб.	1277	1521	1661	2102
Общие расходы на развитие ВС РФ (ГОЗ), млрд руб.	487	574	726	1165
% на развитие в бюджете МО	38,1%	37,7%	43,7%	55,4%
Расходы на закупку ВиВТ и модернизацию, млрд руб. (% в расходах на развитие)	380 (78%)	460 (80%)	596 (82%)	980 (84%)
Расходы на закупку новых ВиВТ (% в расходах на развитие)	316,5 (65%)	374 (65%)	487 (67%)	816 (70%)
Расходы на модернизацию ВиВТ (% в расходах на развитие)	63,5 (13%)	86 (15%)	109 (15%)	164 (14%)
Расходы на НИОКР (% в расходах на развитие)	107 (22%)	114 (20%)	130 (18%)	185 (16%)

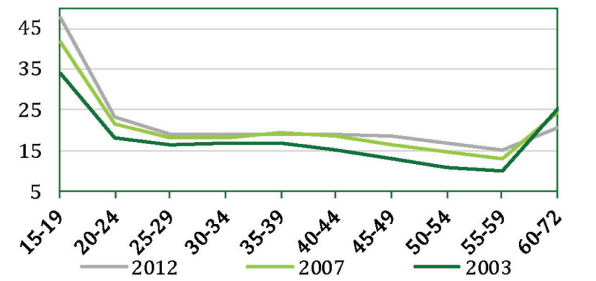
Роль НЧК в развитии ОПК

… создание новых рабочих мест, особенно в обрабатывающей промышленности, может … принести быструю отдачу …[13].
Эксперты Сбербанка России

Огромным недостатком нашего исторического создания … является то, что мы анализируем ключевые процессы и события … в отрыве от … тех процессов, которые проходили в это время в мире[14].
А. Торкунов, ректор МГИМО(У)

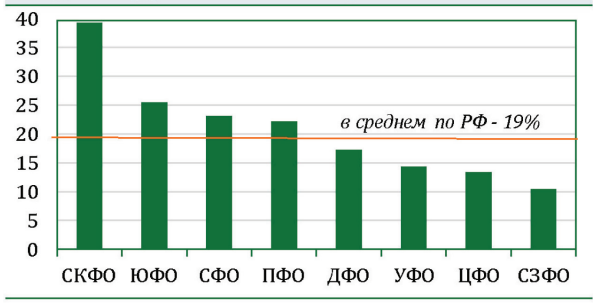
Одна из острейших проблем НЧК России — демографическая, — количественное сокращение численности населения, которая имеет множество негативных военно-политических последствий. Особенно для слабозаселенных регионов Сибири и Дальнего Востока. Добиться ее быстрого решения, т.е. резко увеличить прирост населения, невозможно, хотя для этого приемлемы любые меры. Именно поэтому необходимо искать разные способы. Так, если численность трудоспособных граждан за 2009–2012 годы сократилась почти на 1 млн человек, то, по оценкам экспертов, в то же время около 20 млн не имеют официальной работы, либо вообще никакой работы. Особенно сложная ситуация в провинции, где доля официально неработающих или безработных достигает иногда 40% трудоспособного населения.

Доля неформально занятых по возрастным группам, %



Источник: Росстат

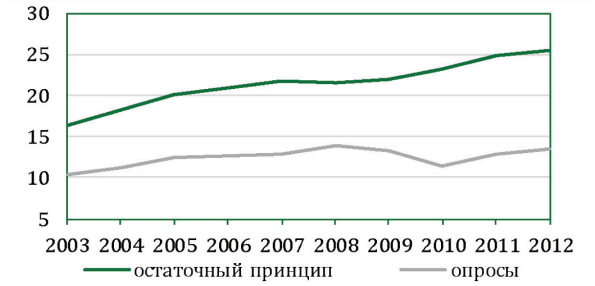
Доля неформально занятых по регионам в 2012 г, %



Источник: Росстат

Все это позволяет сделать вывод, что общероссийская, национальная проблема может быть решена прежде всего за счет повышения качества НЧК посредством привлечения трудовых ресурсов в обрабатывающие отрасли, в первую очередь в оборонно-промышленный комплекс. При этом ресурс официально безработных в России сокращается, колеблясь между 7 и 4 млн.

Динамика неформальной занятости, млн. человек



Источник: Росстат

Динамика безработицы, млн. человек

Источник: Росстат

Это ни в коей мере не означает, что данная цифра адекватно отражает ситуацию в стране. Если учесть незанятых пенсионеров, инвалидов (более 3 млн относительно трудоспособных граждан), лиц, занятых домашним хозяйством и т.д., то ресурс, который может быть использован в обрабатывающей промышленности — огромен[15].

Приходится признать, что с точки зрения приоритетности развития НЧК, Россия в последние десятилетия «выпала» из логики развития ведущих государств планеты. Прав академик А. Торкунов, в частности, в том, что все последние три десятилетия практически вся правящая элита России игнорировала ведущую мировую тенденцию — приоритет развития национального человеческого капитала (НЧК), тогда как в большинстве развитых стран именно этот

приоритет лег в основу экономической, промышленной и социальной политики. Советская и российская элиты умудрились как-то «не заметить» не только основные тенденции и значение нового этапа НТР, но и новую роль НЧК. Даже тогда, когда общепринятым стало измерение качества развития индексами ЧК (ИРЧК) и была создана (в 1990 г.) специальная программа ООН (ПРООН).

Не концентрируя внимания на этой теме[16], важно подчеркнуть, что взаимосвязь между НЧК и обеспечением безопасности страны и способность к обороне — не только прямая, но и самая важная для понимания характера развития ОПК и ВС. Она объясняется изначальной количественной ограниченностью демографических ресурсов (которые меняются медленно), в т.ч. негативными тенденциями для развитых стран и особенно для России, а также необходимостью серьезных инвестиций в развитие качества человеческого потенциала.

В долгосрочной перспективе, по оценкам ООН, демографическая ситуация для России выглядит, как минимум, неблагоприятно, а в худшем сценарии — даже крайне неблагоприятно (рис. 2).

При этом существенно возрастает доля пожилых слоев населения, чье обеспечение неизбежно ложится на плечи более молодых поколений. Это уже стало бременем для экономики страны (что официально признается), это становится геополитической проблемой, национальной безопасностью России.

Если прежде военная мощь государства зависела от численности ВС, ВиВТ, измерявшейся количественно, то сегодня на первый план уже вышли качественные показатели НЧК как в ВС, так и ОПК. По существу, можно говорить о том, что ВПО в мире сегодня характеризуется появлением конфликтов нового типа, где роль НЧК ВС и ОПК приобретает решающее значение. Одна из попыток их описания предпринята И. Поповым, предложившим следующую матрицу[19] (рис. 4).

Возникшая в последние годы форма военного конфликта, начинающегося с «мирных» антиправительственных акций и завершающаяся жестокой гражданской войной и внешней интервенцией, вполне может быть названа «новым типом войны современной эпохи». Такая война выходит за рамки традиционных представлений о ней, приобретая ком-

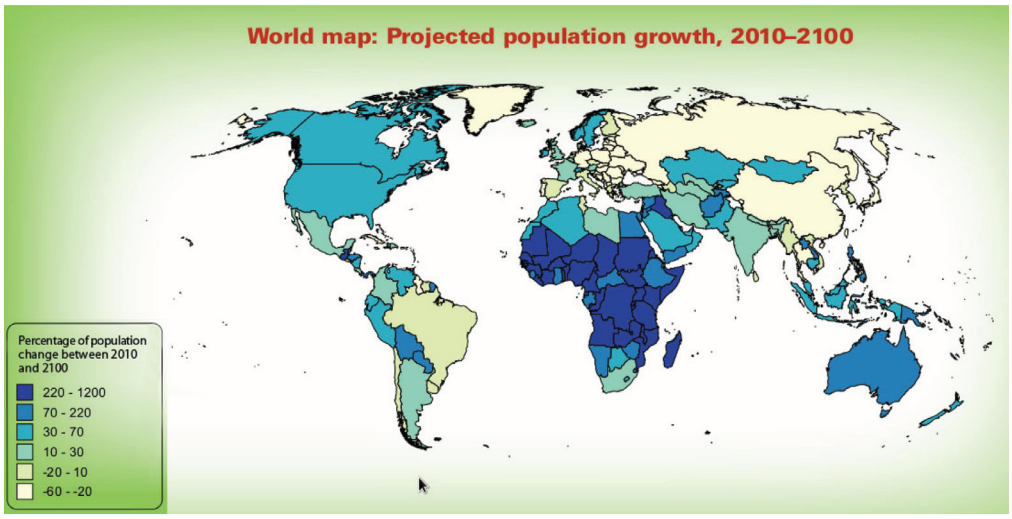


Рис. 2.[17]

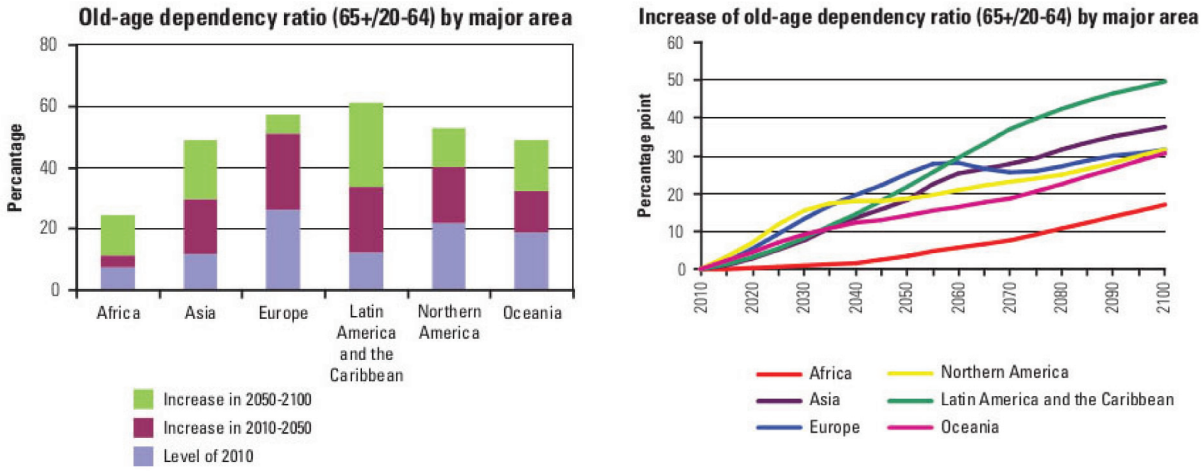


Рис. 3.[18]

Матрица военных конфликтов

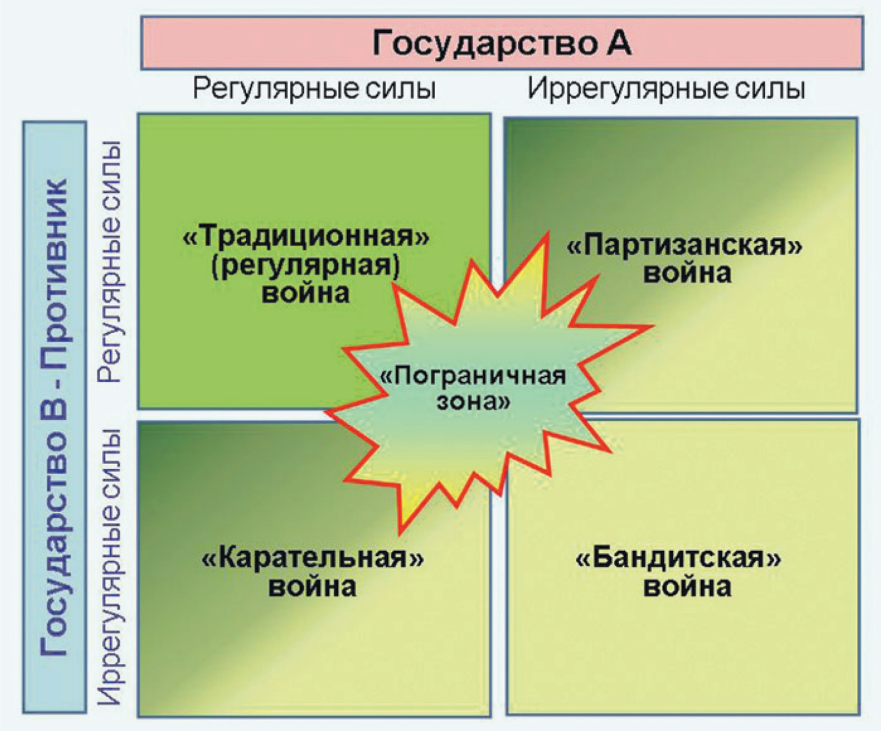


Рис. 4.

бинированный характер, превращаясь в запутанный клубок политических интриг, ожесточенной борьбы за ресурсы и финансовые потоки, непримиримых цивилизационных столкновений. В ход пускаются все возможные средства, стороны прибегают к любым, самым бесчестным способам и приемам действий — как силовым, так и несиловым, — отмечает И. Попов[20].

Важно подчеркнуть, что стремительно меняется в XXI веке соотношение между боевыми и небоевыми действиями, что неизбежно вовлекает в орбиту все социальные слои населения. Как показал опыт Украины, а до этого других государств, успех достигается, как правило, до перехода в военную фазу конфликта[21].

Объем боевых и небоевых задач, решаемых войсками в военном конфликте
Рисунок предоставлен автором

Надо понимать, что основная цель противника в современной войне — уничтожение системы ценностей, на основе которой формируется человеческий капитал. Причем, прежде всего у правящей элиты. С точки зрения военной, эта цель лучше всего достигается невоенными силовыми средствами, а в условиях военного конфликта именно система национального государственного управления становится главной мишенью. То есть речь опять же идет о способности правящей элиты управлять государством и обществом.

Система приоритетов целей для поражения в современной войне

В военном конфликте будущего такие понятия, как фронт и тыл, линия боевого соприкосновения, фланги, район сосредоточения, рубеж перехода

в атаку и так далее, становятся рудиментными. Война перестает «вписываться» в отшлифованные формулировки боевых уставов и наставлений.

В связи с этим перед военными руководителями, командирами и начальниками на ментальном уровне возникает серьезнейшая проблема: или упорно отстаивать старые, проверенные временем основы, принципы и нормативы, или попытаться изменить свое сознание. Но ведь всем известно, насколько трудно военному человеку изменить менталитет. Проблема эта стара как мир. Почти сто лет назад генерал Джулио Дуэ пророчески писал: «…при подготовке государственной обороны необходимо совершенно изменить направление, потому что формы возможных в будущем войн будут совершенно иные, нежели формы войн прошлого времени… Победа улыбается тому, кто предвосхищает изменения форм войны, а не тому, кто приспосабливается к этим изменениям»[22].

Роль военной силы в XXI веке становится все более политической, — обеспечить силовое «прикрытие» невоенных силовых операций. Как ясно зафиксировано в «Обзоре военного бюджета Армии США (Сухопутных сил страны) в 2013 году» Армия обязана:

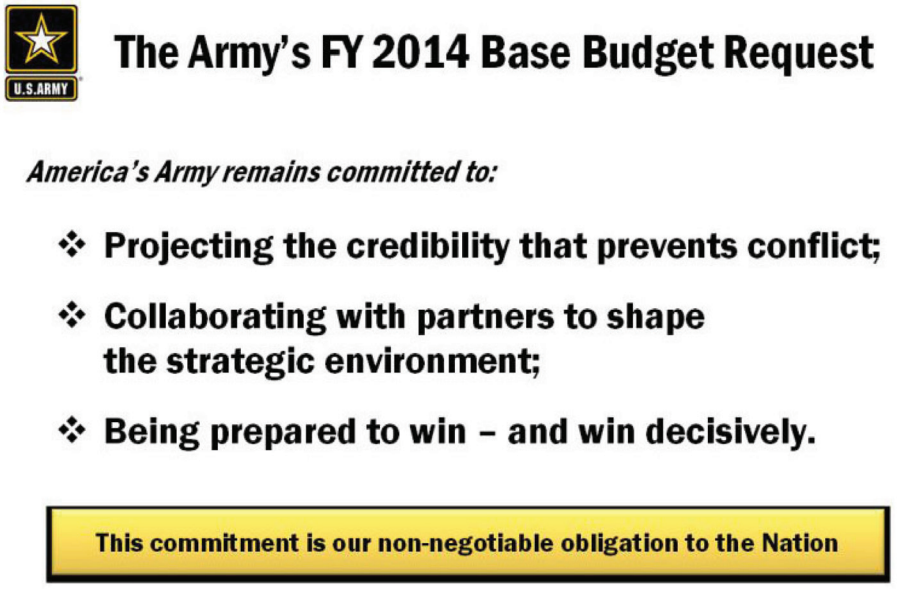
— проецировать уверенность в способности предотвратить конфликт (т.е. избежать военных действий при использовании невоенных средств);
— сотрудничество с партнерами в укреплении стратегической обстановки (сохранить контроль над ВПО);
— быть готовой победить и только победить[23].

Военная сила, военное превосходство — не самоцель, а политический инструмент. Причем этот инструмент используется в крайнем случае и, как правило, в последнюю очередь, когда другие инструменты оказываются неэффективными. Но чтобы этот политический инструмент был эффективным до его прямого применения, военная сила должна быть очевидно превосходящей и готовой к использованию. Шантаж, как крайняя форма косвенного использования военной силы, должен быть абсолютно убедительным. В противном случае он превращается в блеф. Логика взаимосвязи НЧК–ОПК–ВКО такова: ставка на военную силу в политике в любой ее форме неизбежно означает ставку на военное превосходство, которое в XXI веке определяется не столько количеством ВВТ и личного состава, сколько качеством ВВТ и военнослужащих, а также лиц, принимающих военно-политические решения. Таким образом, в конечном счете именно качество национального человеческого капитала в науке, промышленности и в вооруженных силах становится главным условием реализации силовой политики.

Соотношение сил, измеряемое сегодня прежде всего соотношением потенциалов НЧК в мире и, в частности, в вооруженных силах государств и их военно-промышленных комплексах, таким образом предопределяет аналогичные требования не только к агрессору, но и потенциальной жертве агрессии. Если обороняющаяся сторона не будет обладать сопоставимым НЧК, то она неизбежно будет вынуждена уступить политическому давлению, либо угрозе применения военной силы.

Сегодня соотношение военных сил в основном предопределяется соотношением (количественным, но, прежде всего, качественным) сил в области наступательных авиационно-космических и оборонительных ВВТ. Но если это так, то прежде всего такое соотношение будет зависеть от НЧК, сосредоточенных в соответствующих вооружениях и людях, управляющих ими. Отсюда — исключительная важность роли НЧК в создании и развитии ВКО.

Основной политической целью не только для великих, но и большинства других держав является защита национальных интересов, выражаемая в укреплении национальной идентификации и в продвижении своей системы ценностей (а, соответственно, правил поведения) в мире. Конечно, с теми



или иными нюансами. Так, для США, например, такими нюансами является цель превратить Китай в «партнёра-противника», не допустить союза Европы и России, внести дестабилизацию в ряд важных для них регионов и т. д.[24] Причем, во многом эта политика оказывается предопределенной результатами развития НЧК в той или иной стране. Не случайно в этой связи примечательное признание З. Бжезинского, сделанное им уже в январе 2013 года, а не в предыдущих работах, которые некоторые авторы считают не актуальными. Отвечая журналу «Евроньюс», З. Бжезинский заметил: «Вы назвали Китай, Индию и Россию развивающимися странами. Если взглянуть повнимательнее, только одна из них развивается, две других — нет. Одна борется с ностальгией по прошлому, у другой несколько преувеличенное мнение на свой счёт, с учётом общей социально-экономической ситуации при большом потенциале и многообещающих перспективах. Страна, которая развивается, — это Китай. И, конечно же, мы должны к нему внимательно присматриваться»[25].

Для Китая (во внешней политике) — пока что такой целью является использование права преимущественной покупки сырья, необходимого для высоких темпов роста и ускоренного социально-экономического развития. В том числе НЧК, который увеличивается при помощи опережающих темпов роста ВВП: численность, например, получивших высшее образование за последние 20 лет, превысила 300 млн человек, а покупаемые прежде технологии быстро превратились в китайские. Как следствие — изменение структуры экономики и внешней торговли Китая: если 20 лет назад структура российского экспорта в КНР на 90% состояла из машин и оборудования и на 10% из энергоносителей, то сегодня — ровно наоборот. Китай практически уже не покупает в России продукцию обрабатывающих отраслей.

Решающим условием для реализации поставленных целей во внешней и внутренней политике является опережающий рост НЧК, который позволяет в свою очередь США обеспечить технологическое лидерство, а Китаю — быстрые темпы роста. «Именно переработка сырья, — отмечает известный французский эксперт, — конечных продуктов, которые осуществляются умной, квалифицированной и дешевой рабочей силой, создают „рентабельность“ китайской системы…»[26]. Не случайно, рост НЧК расценивается КПК в качестве важнейшего достижения реформ.

В этом смысле развитие НЧК по большому счету решает две задачи — обеспечение сохранения национальной системы ценностей и суверенитета, а также развитие, модернизация экономики и общества. Но от решения этих задач прямо зависит и способность обеспечения ОПК и ВКО страны. Логика такова: без сохранения национальной идентичности и системы ценностей невозможно сохранить независимость и государственный суверенитет. Высокое качество НЧК является важнейшим условием для этого.

Но, как оказывается, опережающее развитие НЧП без этого также невозможно. Вне национальной системы ценностей человеческий потенциал становится абстрактной наднациональной, слишком универсальной категорией, не способной обеспечить защиту и суверенитет.

С другой стороны, НЧК является главным ресурсом развития ОПК, без которого не только технологии, но и сами ВВТ становятся бесполезными: заимствовать технологии можно, как можно и покупать вооружения, но развивать ОПК можно только на основе НЧК. Что, кажется, уже стали понимать в российском военно-политическом руководстве. Не случайно, после смены руководства МО и ГШ России Д. Рогозин подчеркнул, что «…заимствовать должны не Вооруженные Силы, а прежде всего оборонно-промышленный комплекс, сама промышленность, для того чтобы производить на основе приобретенных знаний современную продукцию»[27]. Я бы сказал, — на основе национальных знаний и привнесенных технологий.

Далее: создание эффективной системы ВКО без опоры на национальный человеческий капитал также невозможно — внешние заимствования технологий практически исключены, так как в вопросах безопасности идеи «рынка» не работают. Или сведены к минимуму: вам никогда не продадут последние достижения, что означает консервацию технологического отставания.

Развитие отечественной ВКО, таким образом, невозможно не только без опережающего развития НЧК оборонно-промышленного комплекса (ОПК) и всего комплекса отраслей обрабатывающей промышленности. Достаточно сказать, что в 2012 году в российском ОПК насчитывалось порядка 1250 государственных предприятий, на которых было занято около 2 млн человек. Если же говорить о негосударственных предприятиях, КБ и смежниках, то можно констатировать, что ОПК становится производным от уровня НЧК и обрабатывающей промышленности, во многом, в свою очередь, предопределяя темпы развития последних.

К ВКО, например, вполне применима оценка перспектив развития российской космической отрасли (как части ВКО), данная в последнем интервью академика Б. Чертока: «Космонавтику нельзя оторвать от состояния экономики страны, от развития всех направлений: электроники, машиностроения, химии и т. д. По существу, она теснейшим образом связана со всеми отраслями промышленности. Сегодня, к сожалению, во многих наших космических аппаратах, особенно в беспилотных, которые мы выводим на геостационарную орбиту для обеспечения связи, используются зарубежные элементы, поскольку наши промышленные технологии не способны их производить. Поэтому успех российской космонавтики целиком будет зависеть от успехов и темпов развития всех отраслей передовых технологий в основных областях машиностроения и электроники»[28].

Взаимосвязь НЧК – ОПК – ВКО

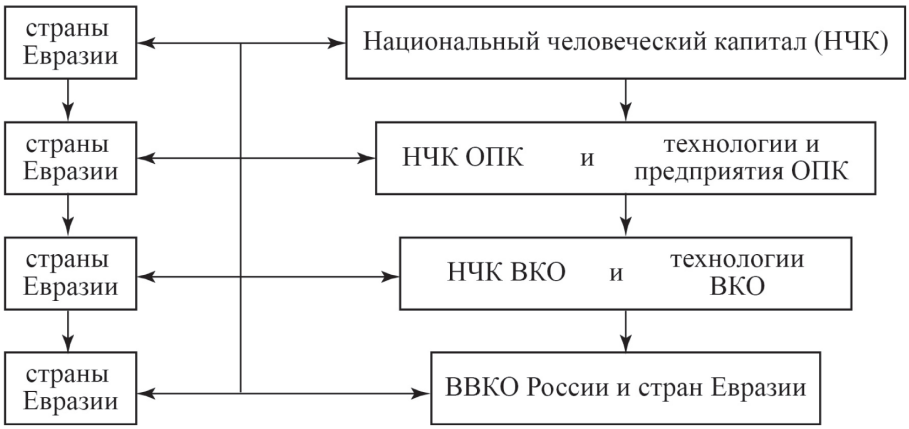


Рис. 5.

Действительно, развитие ОПК зависит не только от уровня развития НЧП (прежде всего фундаментальной науки), культуры, образования, причем именно **национального**, но и от уровня, развития технологий и всей группы отраслей обрабатывающей промышленности.

Очевидно и другое: для создания объединенной евразийской ВКО одного российского потенциала НЧК и ОПК мало — требуется не только мобилизация ресурсов, но и кооперация научно-технических и экономических возможностей ряда государств, высокая степень политического и научно-технического сотрудничества. Так, тяжелые МБР традиционно создавались на Украине, а ряд важнейших компонентов ВКО — в бывших советских республиках.

Политически, экономически и финансово (не говоря уже о военной стороне вопроса) реализовать концепцию евразийской ВКО только усилиями России вряд ли возможно. Как, впрочем, и многих других систем ВВТ. Здесь мы сталкиваемся с известным противоречием, о котором говорилось, например, на заседании ВПК в декабре 2012 года, когда сегодня ни одно государство (даже США) не делает все системы вооружений, а, с другой, великая держава не может зависеть от поставок ВВТ из-за рубежа[29].

Тем более, что создание потенциала евразийской ВКО зависит не только от ОПК России и других стран, но и от политических, культурных, этнических и иных факторов невоенного характера. Прежде всего от того, насколько быстро России удастся предложить странам Евразии свою собственную, привлекательную модель интеграции, основанную на общей системе ценностей, производными от которой будут евразийская экономическая и военно-политическая интеграция. Так, в КНР после ноябрьского (2012 г.) съезда КПК происходит самая настоящая «идеологическая революция», когда отодвигаются в тень классики марксизма-ленинизма, без которых раньше не обходилось ни одно выступление, а им на смену приходит возрождение ценностей конфуцианства. Более того, эта система ценностей, подкрепленная экономическими ресурсами, активно продвигается КПК за рубеж при помощи самых различных институтов.

В этом смысле алгоритм действий российской политики должен не отличаться от китайской или американской, с той лишь разницей, что США навязывают свою систему ценностей (Китай — «продвигает» пока что мирно), а Россия должна предложить привлекательную для этих стран ценностную систему. В том числе, а, может быть, и прежде всего, в области безопасности[30]. И эта система ценностей может базироваться только на основе НЧК и сотрудничестве с другими странами и их НЧК.

Можно предположить, что в такой системе ценностей создание системы евразийской безопасности может играть важную, пока что широко не обсуждаемую роль. И прежде всего, учитывая роль и характер возможных военных действий, в области воздушно-космической обороны. При этом целесообразно идти «от общего к конкретному», т.е. от системы нравственных ценностей для стран Евразии, реализуемых в развитии НЧК этих государств, к системе обеспечения безопасности вообще и воздушно-космической — в частности.

Из рисунка «Взаимосвязь НЧК — ОПК — ВКО» (рис. 5) видно, что возможности ЕвразВКО зависят, в конечном счете, от двух факторов.

Во-первых, от общего уровня развития НЧК (причем, в его широком понимании, включающем культурно-историческую, геополитическую и иную специфику) и, как следствие, темпов роста обрабатывающей промышленности и всего ВВП.

Сегодня видно, что темпы роста ВВП в обрабатывающей промышленности[31] оказались чрезвычайно низкими, что свидетельствует уже не о стагнации, а о продолжающемся процессе деградации важнейших отраслей экономики.

Прежде всего это объясняется тем, что не учитывается роль НЧК, который в современных государствах, как уже говорилось, обеспечивает до 95%

Базовые виды экономической деятельности, прирост за год, в %

Виды деятельности	2011 г.	2012 г.	2013 г.*
Сельское хозяйство	23,0	–4,7	11,8**
Промышленное производство	4,7	2,6	0,2
Добыча полезных ископаемых	1,9	1,1	0,5
Обрабатывающие производства	6,5	4,1	–0,6
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,1	1,2	2,2
Строительство	5,1	2,4	1,1
Розничная торговля	7,0	5,9	5,6
Оптовая торговля	5,4	6,8	–2,5
Платные услуги населению	3,0	3,5	1,9
Грузооборот	3,4	1,7	1,6
Все базовые отрасли	5,1	3,2	1,4
Базовые отрасли, без с/х	4,2	3,7	0,9
Справочно: инвестиции	8,3	6,7	–0,1

* Прогноз на 2013 год предполагает инерционный рост при сохранении темпов второго полугодия 2012 года.

** Рост выпуска сельского хозяйства предполагается на уровне средних показателей 2007–2010 годов с учетом компенсации эффекта неурожая 2011 года.

Источник: Росстат, «Центр развития» ВШЭ.

прироста ВВП и значения обрабатывающей промышленности. Соответственно, если НЧК в ОПК в России занимает половину НЧК страны, то это означает, что именно этот фактор не работает.

Во-вторых, обеспечение безопасности на континенте зависит от уровня сотрудничества — политического, научно-технического, экономического и военного в рамках евразийского сообщества, объединенного общим интересом обеспечения безопасности. Причем, этот приоритет изначально должен не уступать место стремлению навязать свою систему ценностей. Это возможно прежде всего при обязательном условии обладания Россией наиболее высоким уровнем Национального человеческого капитала (НЧК), включающего в том числе его культурную, научно-образовательную и духовную составляющую. Только такой НЧК способен обеспечить России конкурентоспособный внешнеполитический идеологический ресурс, с помощью которого можно обеспечить евразийскую интеграцию в других областях.

Собственно «идеология» экономической выгоды, которая сегодня доминирует в подходе к евразийской интеграции и ВТС в Евразии в России, оказывается неконкурентоспособной: далеко не все действия в мире определяются экономической выгодой и интересами национальной безопасности. Евросоюз — очевидный пример этому. Кроме того, соревноваться с США и НАТО на этих экономических условиях изначально невыгодно. Тем более, что есть и другие конкурентоспособные идеологии в Евразии, определенно ориентированные на приоритетное развитие своих этносов — исламская, конфуцианско-социалистическая, буддистская. Такая прагматическая «идеология» нацелена не на достижение сформулированной цели (например, повышения боеспособности и эффективности ВКО в ходе военной реформы), а на «оптимизацию» расходов, нередко в ущерб самой цели. Более того, как показали события в МО при А. Сердюкове, подобная «оптимизация» ведет к коррупции и разворовыванию бюджетов, деградации НЧК и ОПК.

Вместе с тем важность идеологии для приоритетов развития евразийской интеграции и государства становится все более и более очевидной. Как, например, отмечалось в тезисах конференции Совета по внешней и оборонной политики (СВОП) в начале декабря 2012 года, «…Идейная борьба обостряется в сфере привлекательности моделей развития, которые в век информационной открытости во многом предопределяют влияние стран, их мировую „капитализацию“. Растет роль „мягкой силы“, измеряемой готовностью других стран добровольно следовать чьему-то примеру. Она зависит от уровня благосостояния основной массы населения, качества жизни, защищенности человека, его свободы, эффективности юридической и политической системы. Особое значение имеет накопленный культурный слой стран и обществ, способность транслировать свою культуру. Иногда именно потенциал „мягкой силы“ вершит историю. Вспомним бегство восточноевропейских стран, да и значительной части советского общества к западной системе ценностей в конце 1980-х и в 1990-е годы»[32].

Но НЧК является не только основой для «мягкой силы», но и силы вообще, и основой развития современных национальных технологий, включая военные, которые по определению не могут быть заимствованы за рубежом. Конечно, в глобальном мире невозможно развиваться изолированно. Продолжается и будет

продолжаться сотрудничество, промышленно-технологический шпионаж, но военно-технологический фундамент ОПК может быть создан только на национальной основе. И у России есть для этого основания: «…по трем основным рынкам — Америки, Израиля и Германии — наши соотечественники держат абсолютное первенство в сферах IT, математики, физики, биологии…»[33]. Выбор, таким образом, предопределен в пользу приоритетности развития НЧК.

В этой связи важно подчеркнуть, что сама возможность эффективно использовать военную силу появляется только при определенных условиях: она зависит от военного научного и технологического превосходства, а оно, в свою очередь, определяется сегодня прежде всего лидерством в развитии национального человеческого капитала (НЧК). Именно НЧК, а не заимствованными технологиями в ОПК, которые заведомо отстают (особенно в военной области) на 15–20 лет от существующих в развитых странах[34].

Этот вывод имеет принципиальное политическое и практическое значение. Так, отказ СССР и России в свое время от развития национальных фундаментальных исследований и НИОКР привел к тому, что во втором десятилетии XXI века в ВКО страны образовались катастрофические бреши. Так, лидируя в 80-е годы в области гиперзвуковых технологий, беспилотных летательных аппаратов и ракетной техники (в т. ч. высокоскоростных ракет-перехватчиков), сегодня Россия отстала в этих областях на 15–20 лет. По сути она была вынуждена вернуться к их разработке сегодня, на невыгодных условиях, при отставании в элементной базе микроэлектроники, как говорят скептики, — «навсегда».

Эта проблема на сегодня является главной в отечественном ОПК, где разрушению подверглись целые научно-конструкторские школы. В настоящее время отечественный ОПК включает (по оценке Д. Рогозина) порядка 1350 предприятий, значительное число из которых невозвратимо устарело и подлежит ликвидации.

Это огромный человеческий капитал, который, надо подчеркнуть, является производным от Национального человеческого капитала России. Его необходимо сознательно развивать опережающими темпами, восстанавливая то, что пока не окончательно потеряно, и создавая новые научные и конструкторские школы. Это проблема № 1 не только для ОПК, но и для таких комплексов отраслей, как ВКО.

Строго говоря, система ВКО в России во втором десятилетии XXI века только восстанавливается. Некоторые ее компоненты оказались отброшены на десятилетия назад, что не позволяет нам в полной мере говорить о системе ВКО, а, скорее, ее отдельных элементах. При этом, ключевое значение имеет НЧК ВКО, восстановление которого в полном объеме и на отечественной основе не только возможно, но и неизбежно. Возникает, правда, трудный вопрос, каким образом можно ликвидировать отдельные отставания в научных школах НИОКР и технологиях, например, в области электроники, избегая внешних заимствований. Хотя, как уже говорилось, на рынках IT ведущих государств лидерство в ряде областей остается за российскими учеными и инженерами.

Другая сторона проблемы — долгосрочное военно-политическое и научно-техническое прогнозирование и планирование, к которому неизбежно необходимо возвратиться. Опыт последних десятилетий доказал, что США и Китай, использующие долгосрочное стратегическое планирование, оказались в значительно более выгодном положении, чем Россия, которая изначально рассчитывала на «невидимую руку рынка», а затем — на ручное управление.

К сожалению, в последние десятилетия по целому ряду идеологических и политических причин в СССР и России не только отказались от стратегических прогнозов и стратегического планирования, но и вообще признавали их ненужными, «мешающими рыночному развитию». Ситуация медленно и не всегда последовательно стала меняться со второй половины первого десятилетия XXI века. Проявился даже своего рода «бум» отраслевых, региональных и местных, большей частью социально-экономических прогнозов. Как правило, основанных на макроэкономических расчетах и экстраполяции, без учета международных и военно-политических факторов, влияющих на их реализацию, а нередко и просто формальных.

Эти прогнозы и основанные на них программы оказались практически бесполезны именно потому, что положенные в их основу макроэкономические идеи и модели не могут учитывать важнейшие неэкономические факторы.

Сказанное имеет прямое отношение к военно-политической области, где нужен стратегический прогноз на несколько десятилетий и стратегическое планирование, не зависящее принципиально от субъективных, прежде всего личностных факторов. Нужно, как говорил В. Путин, «посмотреть за горизонт», на 30–50 лет вперед.

Для того чтобы разработать такой прогноз, основу для стратегического планирования и заложить фундамент под военную политику и военное строительство, нужно учитывать решающее значение фактора НЧК для ВС и ОПК России:

— **во-первых**, необходимо отчетливо понимать, что важнейшей задачей является защита НЧК страны, вообще, и ОПК, в частности;
— **во-вторых**, нужна некая общая позиция правящей элиты и общества в отношении такой национальной стратегии развития, ориентированной на опережающее развитие НЧК в ОПК;
— **в-третьих**, нужны научно-обоснованная и согласованная высшим политическим руководством, руководством ВС России и ОПК, а также экспертным сообществом военная доктрина, военная политика и, соответственно, долгосрочные планы военного строительства, основанные на

приоритетах развития НЧК. Включая понимание и согласие относительно оценки будущих угроз и необходимости им противодействовать.

При этом нужно совместно — политикам, ученым, военным и производителям — решать эти принципиальные вопросы. По отдельности, как показывает опыт, никто не может принять адекватные решения. Наоборот, как при М. Горбачеве и Б. Ельцине, когда политики, не считаясь с мнениями военных и представителей ОПК, принимали такие решения, конечный результат которых был катастрофичным.

Нельзя отдавать на откуп такие решения и только военным, ибо им неизбежно предстоит трудная оценка политической и экономической целесообразности.

Вместе с тем даже существующий опыт взаимодействия и сотрудничества науки, ОПК и ВС показывает их высокую эффективность. Особенно, когда речь идет о сотрудничестве на уровне родов и видов ВС с отраслями ОПК[35].

Думается, что решение Президента России и соответствующее поручение МО РФ о разработке долгосрочного прогноза имеет огромное значение не только для ВС РФ и всей национальной безопасности, но и для ОПК, который должен получить ясную перспективу для своего развития. Важно, чтобы этот прогноз и вытекающее из него долгосрочное стратегическое планирование не остались очередным «забытым» нормативным документом, а стали директивой для военного строительства.

Военное строительство по самой своей сути требует решений, последствия которых рассчитаны, как минимум, на несколько десятилетий. От появления идеи, формулирования задачи и ТЗ до стадии, когда эта реализованная «в металле» идея будет снята с вооружения, может пройти 30 и даже 50 лет[36]. Поэтому ошибка может очень дорого стоить. И не только экономически, но и политически. Так, принятые М. Горбачевым и Б. Ельциным политические решения в конце 1980-х и начале 1990-х годов, катастрофически сказались на всем НЧК России (прежде всего его демографической, научной, технологической и образовательной составляющих), а также возможностях ОПК и ВС страны. Политические ошибки невозможно исправить ни военным, ни конструкторам, ни ученым. Такие ошибки в военно-политической области ставят нацию на грань уничтожения, а их исправление требует значительно больше времени и средств. Так, замечено, что ошибка в госуправлении (развал какого-то института, органа государства, научной школы), совершенная в 2–3 года, требует десятилетий для своего исправления. Это общее правило, с которым столкнулась правящая элита страны во втором десятилетии XXI века, вполне применима к ОПК, в частности, к ВКО государства.

Кадровый потенциал ВС и ОПК

Ужесточается конкуренция за ресурсы. Причем … прежде всего за человеческие ресурсы, за интеллект[37].

В. Путин,
Президент России

… наша страна являет собой уникальный эмпирический случай, позволяющий глубже понять феномен модернизации, происходящий эволюционным путем — без войн и революций[38].

А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)

Двумя важнейшими показателями, характеризующими НЧК ВС и ОПК, являются демографический (численность населения и активного резерва) и расходы на оборону. Количественный показатель НЧК ВС и ОПК продолжает оставаться важнейшим показателем, хотя его значение и снижается, в силу резкого увеличения значения качества человеческого капитала для ВС и ОПК. Для России, ее ВС и ОПК, продолжение существующих в мире демографических тенденций несет в себе существенную угрозу. Так, среди ведущих 20 стран по показателям численности населения, пригодного к военной службе, и активного резерва положение России иллюстрируется следующим образом: рис. 6–8.

Другой показатель — расходы на оборону, среди которых значительная часть принадлежит расходам на НИОКР (порядка 10%), создание ВиВТ и подготовку личного состава. В абсолютных величинах страны-лидеры выглядят следующим образом: рис. 9–10.

Отсюда, можно констатировать:

1. Дальнейший количественный рост НЧК ОПК и ВС России невозможен, более того, он будет объективно сокращаться по мере роста численности других государств.
2. Увеличение военных расходов, особенно учитывая темпы роста ВВП России в среднесрочной перспективе, могут привести к нежелательным экономическим и социальным последствиям. На фоне опережающего роста новых центров силы доля российского ВВП в мире к 2020 году может сократиться с 3% до 2,5%.

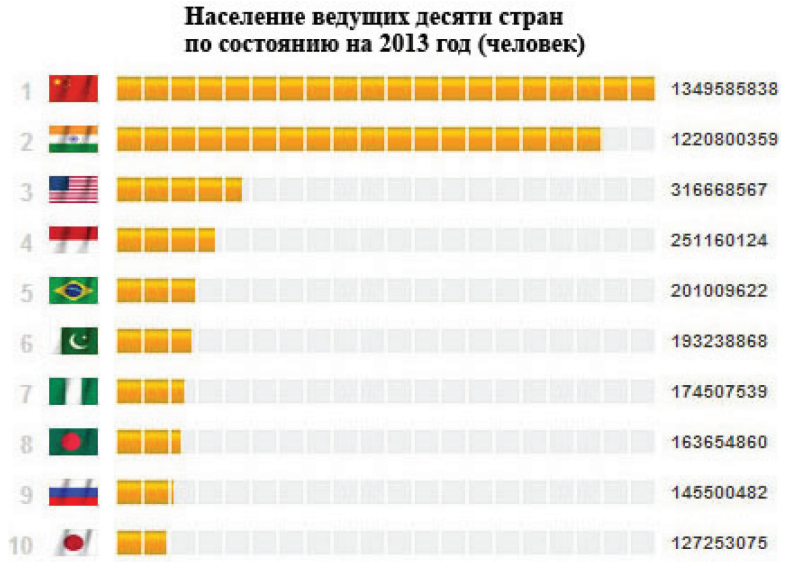


Рис. 6.[39]

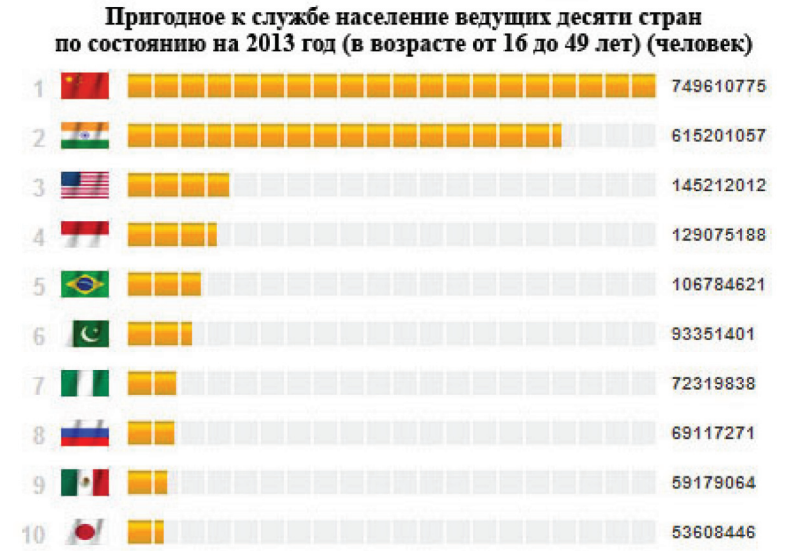


Рис. 7.[40]

Рис. 8.[41]

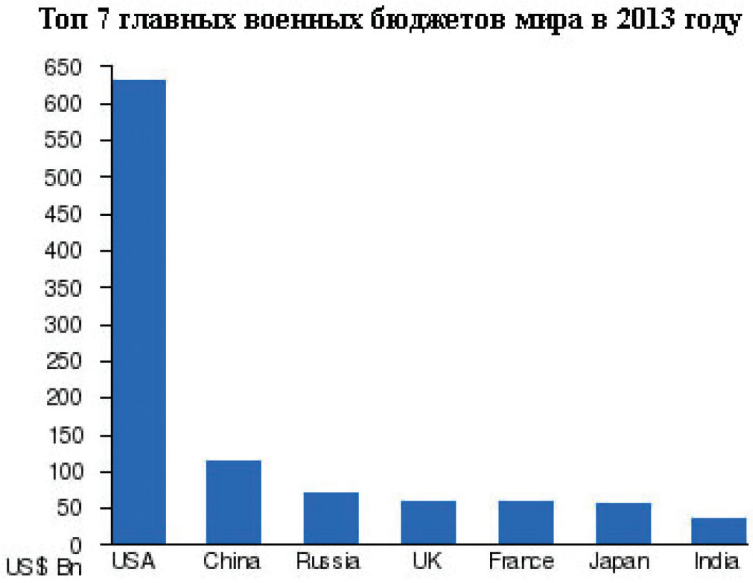


Рис. 9.[42]

3. Как следствие первых двух выводов, неизбежно предстоит предложить новую стратегию развития ВС и ОПК, в основе которой лежат опережающие темпы роста качества НЧК. Причем, если этого удастся добиться, то можно будет не только компенсировать негативные последствия первых двух факторов, но и качественно (в 2–2,5 раза) изменить ситуацию в ОПК и ВС.

Для этого необходим принципиальный пересмотр подхода к проблеме НЧК в целом и в ОПК и ВС — в частности. Так, например, необходимо пересмотреть подход к финансированию НИОКР, увеличив его долю в военном бюджете, важно организовать переподготовку специалистов ОПК, что позволит резко повысить производительность труда. Пример Обуховского завода ОАО Концерна «Алмаз-Антей» показывает, что производительность может быть увеличена в разы и даже десятки раз.

Кроме того, необходимо повысить культурный и профессиональный уровень ВС, возродить развалленные научные школы и коллективы. Будущий сержант и даже рядовой должны иметь, как минимум, среднее специальное образование.

В целом необходимость такой стратегии в руководстве страны понимается, однако ее реализация сталкивается с конкретными, иногда непреодолимыми препятствиями. Так, главная общая проблема национальной модернизации — повышение качества НЧК, конкретных людей. Эту проблему очевидно игнорируют. Именно в силу непонимания приоритетности этой проблемы можно найти объяснение фактическому провалу всех модернизационных планов

Место	Государство		Военные затраты (в долларах США)	Информация по состоянию на год
–		В целом по всем странам	1 200 000 000 000	2007
–		В целом НАТО	49 875 309 000	
1		США	526,800,000,000	2014
–		В целом по Европейскому Союзу	300 745 000 000	
2		Китай	114,200,000,000	2013
3		Россия	71,200,780,000	2013
4		Великобритания	58,985,000,000	2013
5		Франция	58,244,330,000	2011
6		Япония	56,907,569,000	2012
7		Германия	45,200,000,000	2010
8		Саудовская Аравия	45,050,000,000	2010
9		Индия	36,000,000,000	2013
10		Италия	34,730,000,000	2012

Рис. 10. Список стран по военным расходам[43]

2008–2013 годов. При том, что внешние условия существования России, как справедливо заметил академик А. Торкунов, — «без войн и революций» — были вполне благоприятные. Эта же проблема — повышение качества кадров — стоит и перед всеми видами и родами ВС, в частности, ВВКО России и ее потенциальных союзников и партнеров в Евразии, что потребует постановки и решения принципиально новых задач, которые прежде не стояли перед руководством этих стран. Так, решение проблемы обеспечения кадрового потенциала ОПК и ВВКО предполагает параллельное решение, как минимум, четырех задач:

— Во-первых, воссоздание кадрового потенциала науки и обрабатывающей промышленности и ОПК, без которого в принципе невозможно развивать национальную промышленность и НИОКР. В свою очередь ОПК и отрасли ВКО являются частью комплекса отраслей обрабатывающей промышленности, которые не могут развиваться изолированно от них. С такой же проблемой в свое время столкнулся СССР, когда, исследовав «ФАУ-2», вдруг обнаружили, что из более 50 используемых сталей и сплавов советская промышленность в то время производила не более 20.
— Во-вторых, воссоздание кадрового потенциала специальных отраслей, связанных собственно с ВКО, который затрагивает сотни производств и КБ. К сожалению, за 30 лет игнорирования потребностей этой отрасли, многие школы вообще исчезли, либо деградировали. Иногда вместе со своими наработками, а некоторые были банально приватизированы (как в случае с приватизацией КБ И. Ашурбейли), либо даже перепроданы за границу.
— В-третьих, подготовку кадров собственно для войск ВКО как отдельного вида Вооруженных Сил, учитывая, что взятые по отдельности специальности в области ПРО, ПВО, ВВС, КО не будут удовлетворять полностью потребностям ВВКО. По некоторым оценкам, в ВВКО ежегодно должны поступать до трех тыс. специалистов. Возникает естественный вопрос: смогут ли (и насколько качественно) их подготовить?
— Наконец, подготовку кадров руководства родами и видами ВС, в т.ч. Генштаба (который был сокращен при А. Сердюкове на 40%)[44] для профессионального оперативного руководства качественно новыми комплексами наступательных и оборонительных вооружений. Радикально меняются способы и формы использования ВС, их взаимодействия. Так, например, сегодня уже надо говорить о едином воздушно-космическом информационном пространстве, управлять действиями в котором предстоит на качественно ином уровне.

Очевидно, что решение двух первых задач лежит во многом за пределами компетенции командования ВКО и даже МО. Это решение президентского и правительственного уровня, возможность которого зависит от многих обстоятельств. В том числе политических, экономических и финансовых. Надо сказать, что в руководстве страны хорошо понимают значение кадрового потенциала для модернизации обрабатывающей промышленности и развития НЧК. В. Путин в послании в декабре 2012 года специально обратил на это внимание, а в Стратегии инновационного развития РФ до 2020 года обозначены следующие ориентиры:

— увеличение доли предприятий, осуществляющих их технологические инновации, с 9,4% до 40–50%;
— доли инновационной продукции с 4,9 до 20–25%;
— повышение затрат на НИОКР с 1,3 до 2,5–3% ВВП;
— увеличение доли публикаций, количества цитирований, патентов и т. д.[45].

Другими словами, сама техническая и технологическая возможность создания ВКО будет зависеть прежде всего от результатов политики модернизации всей страны, которая, в свою очередь, — на новом кадровом потенциале НЧК. Невозможно воссоздать кадровый потенциал в отдельной отрасли, «автономно» от всей обрабатывающей промышленности. Если судить по масштабу задач, сформулированных в Стратегии, то речь идет фактически не о модернизации, а о создании нового потенциала (включая кадровый) обрабатывающей промышленности. Собственно это подтверждается в отдельном разделе, озаглавленном «Основные задачи Стратегии», где говорится, что «основными задачами Стратегии» являются:

— развитие кадрового потенциала в сфере науки, образования, технологий и инноваций;
— повышение инновационной активности бизнеса и ускорение появления новых инновационных компаний и т. д.[46].

Но решению этой общенациональной задачи может способствовать в значительной степени именно воссоздание кадрового потенциала ОПК, который не просто охватывает сотни производств и КБ, но и фактически может стать основой для восстановления кадрового потенциала обрабатывающей промышленности. Если под ОПК понимать комплекс отраслей — от ракетостроения до элементной базы и ПО, — то оказывается, что этот костяк может стать организационно-административной структурой, на базе которой могут фактически в новом качестве восстанавливаться целые отрасли обрабатывающей промышленности. В прежней истории СССР есть немало примеров, в том числе в наукоемких отраслях. Так, создание первой в мире сотовой системы связи «Алтай» (существующей до настоящего времени) или Интернета в свое время опередило зарубежные аналоги.

Логика такова: невозможно одновременно восстанавливать и создавать заново все обрабатываю-

щие отрасли и даже все отрасли ОПК. Необходимо определить приоритетность. Эта приоритетность определяется характером современной ВКО, которая объединяет все отрасли — от космической и авиационной до электроники и общего машиностроения. Причем, у этого подхода есть несколько преимуществ[47].

Во-первых, часть отраслей ВКО уже ориентирована на выпуск гражданской продукции. Таким образом, приоритетное развитие ВКО будет означать и «подтягивание» под самые современные разработки и гражданские отрасли обрабатывающей промышленности.

Во-вторых, значительная часть продукции идет на экспорт, т.е. происходит процесс самоокупания НИОКР за счет увеличения серийности образцов.

В-третьих, подготовка кадрового потенциала ведется целенаправленно в рамках единой структуры, обеспечивающей не только подготовку, но и трудоустройство кадров, что в рыночной экономике имеет огромное значение.

В-четвертых, изначально производство ориентировано на создание конкурентоспособной, даже лучшей мировой продукции.

В-пятых, предприятия ВКО изначально ориентированы на опережающее развитие собственных НИОКР, даже в условиях, когда по тем или иным причинам общее развитие НИОКР сдерживается.

Таким образом, можно сделать вывод, что решение общенациональной задачи модернизации и воссоздания обрабатывающей промышленности во многом может быть обеспечено посредством опережающего развития наиболее передовых госкорпораций в области ВКО. Прежде всего тех, которые изначально ориентированы на выпуск конкурентоспособной мировой продукции и концентрируют наиболее перспективные технологии.

Другая сторона проблемы — кадры ВВКО.

Известно, что современным ВВКО России требуется ежегодно не менее трех тыс. человек, направляемых в войска. Ещё больше требуется в фундаментальную науку, НИОКР, образование, производства. Между тем ситуация ежегодно ухудшается. За исключением некоторых предприятий и организаций, кадровый потенциал ВКО и ОПК ухудшается. Игнорирование этой проблемы привело к тому, что естественная убыль последних 25 лет не компенсировалась притоком новых кадров и техники. О трагичности ситуации свидетельствует положение в ВВС, где из 70 учебно-тренировочных самолетов 30 уже неспособны к полетам, а оставшиеся изношены на 90%[48].

Здесь мы сталкиваемся с серьезной политико-концептуальной проблемой отношения правящей элиты страны к кадровому потенциалу ОПК. Суть ее заключается в том, что во второй половине 1980-х годов правящая элита СССР встала перед проблемой конверсии избыточного военно-промышленного производства, которую можно было решить единственным способом — перепрофилировать часть ОПК для гражданских нужд. Мировой опыт (который был обобщен мною и моими коллегами в 1986–1987 годах в специальных записках в ЦК КПСС) показывал, что для этого нужны три обязательных условия:

— **время** (как минимум несколько лет даже для профильного переоснащения производств);
— **кадры** (переподготовка кадров для гражданских нужд);
— **финансирование** (точнее, ресурсы для переоснащения производств и КБ).

При адекватном подходе М. Горбачева и его команды реализация этого сценария могла бы привести к быстрому росту научно-промышленного потенциала страны без разрушения ОПК. Но был выбран другой путь, точнее, — полное отсутствие всякого пути, — который свелся к развалу ОПК и обрабатывающей промышленности. Поэтому сегодня необходимы меры, которые по сути носят экстренный, мобилизационный характер по воссозданию кадрового потенциала обрабатывающей промышленности, ОПК и, соответственно ВКО.

Очевидно, что силами только специальных учебных заведений МО России эту проблему решить нельзя, тем более, что в результате «военной реформы» многие из них были уничтожены, либо сокращены. Так академию ВКО в Твери несколько лет пытались вообще закрыть. По сути дела в военном образовании при А. Сердюкове продолжалась политика М. Горбачева — Б. Ельцина по деградации НЧК. Как справедливо заметил Алексей Володин, «…во время так называемого оптимизационного процесса в военном образовании, а по сути, во время тотального сокращения числа вузов, курсантов, которые в этих вузах учатся, и сотрудников высших военных школ есть риск потерять не просто вузы, готовящие офицерский состав, но и сами традиции отечественного военного образования. Есть риск разрушения базовых принципов военного образования до того момента, когда будут разработаны новые его принципы»[49].

Но главное даже не это. Уровень военных кадров и специалистов ОПК определяется в целом уровнем развития НЧК, прежде всего уровнем развития фундаментальной науки, образования, инженерных специальностей, технологий, а в более широком контексте — культурным уровнем всей нации. А это уже не проблемы МО и ГШ, а высшего политического руководства страны, его научной, образовательной и инновационной политики, которые сегодня встречают массовое негативное восприятие у творческой и интеллектуальной элиты страны. Другими словами, это проблема профессионализма элиты и ее кадрового потенциала.

Другая проблема — профессионализм и кадровая пригодность ВС и ОПК России, — которая,

к сожалению, за последние 20–25 лет только усугублялась. Со второй половины 1980-х годов систематически (и, нередко, при ведущей роли государства) уничтожались целые научные школы и направления, которые занимались анализом, прогнозом и стратегическим планированием. Так фактически разрушались целые отрасли военной экономики, НИОКР и фундаментальной науки. В результате ко второму десятилетию XXI века в области НЧК в ОПК мы получили крайне мозаичную и неравномерную картину, когда некоторые компоненты и элементы разрушены и даже полностью уничтожены. Их надо восстанавливать практически с нуля, как говорят, начинать «с центра поля». Некоторые — деградированы до опасной степени, но сохранились и их нужно и можно развивать, а некоторые даже удалось каким-то чудом сохранить. Собственно на этом сомнительном «заделе» развиваются сегодня системы ВКО и СЯС России, которые, соответственно, также носят «мозаичный» и «хаотичный» характер.

Во многом сказанное относится не только к ОПК, но и военной политике в целом, где бесконечные (и далеко не всегда концептуально обоснованные) военные реформы удивительным образом сочетаются с отставанием в развитии военной науки, военного искусства и военного планирования. На практике это вылилось в «экономизацию» и «менеджеризм», которые не имеют не только ничего общего с военной политикой, но и прямо вредят ей. Впрочем, эта ситуация характерна для всей экономики страны. Откровенное игнорирование правящей элитой страны на протяжении десятилетий общественных потребностей привело в итоге не только к утрате инициативы, но и стратегической перспективы, без чего развитие ОПК в принципе невозможно, тем более долгосрочное, основанное на стратегических оценках. Это стало фактом, признанным руководством страны. Как отметил В. Путин, «… Нам необходимы механизмы реагирования не только на уже существующие опасности. Нужно научиться „смотреть за горизонт“, оценивать характер угроз на 30–50 лет вперед. Это серьёзная задача, требующая мобилизации возможностей гражданской и военной науки, алгоритмов достоверного, долгосрочного прогноза»[50].

Но долгосрочный военно-политический прогноз и планирование не могут строиться только на макроэкономическом прогнозе, который лежит сегодня в основе всех долгосрочных прогнозов. Не случайно эти прогнозы (как прогноз социально-экономического развития до 2020 года от 2008 года или такой же прогноз в стратегии 2020) проваливаются, оказываются без практических последствий.

Между тем, именно прогноз, планирование, а в целом военно-политические оценки и доктринальные установки определяют не только военную стратегию и в целом будущее военного искусства, но и средства вооруженной борьбы — ВВТ.

Это понимает политическое руководство, которое в последнее время ставит перед МО такую задачу: «Какие вооружения будут необходимы российской армии. Какие технологические требования будут предъявляться к отечественному оборонно-промышленному комплексу. По сути, необходимо создать качественно новую, „умную“ систему военного анализа и стратегического планирования, подготовки готовых „рецептов“ и их оперативной реализации в структурах наших силовых ведомств.

Что же готовит нам „век грядущий“?»[51]

Нужно признать, что ошибки и преступления в военно-политической области, совершенные при М. Горбачеве и Б. Ельцине, привели в том числе к необратимым кадровым последствиям для ВС и ОПК страны, которые будут сказываться еще долгое время. Даже если допустить, что новое руководство МО и ГШ сможет исправить эти ошибки быстро, на восстановление штабной культуры, научных и образовательных школ потребуются десятилетия. Надо понимать, что цена ошибки стратегических прогнозов и в стратегическом планировании чрезвычайно высока, ибо от них во многом зависят планы военного строительства и развития Вооруженных Сил, вооружений и военной техники. Точно предсказать все невозможно, тем более, что оценки могут меняться быстро, а вносить коррективы в НИОКР и военное производство (которые занимают десятилетия) следует осторожно.

Тем более, недопустимы ошибочные радикальные политические оценки военно-политической ситуации в мире, свойственные периоду М. Горбачева и Б. Ельцина, с которых начался развал ВС и ОПК страны. Так, современные системы ПРО и ПВО разрабатывались более 20–25 лет, а потом еще подвергались глубокой модернизации. По сути сегодняшние вооружения будут служить еще десятилетия. А оценки выступают в качестве основы для долгосрочных планов военного строительства вплоть до середины столетия. Фактически это означает необходимость постоянного поддержания и развития не только высокого уровня отечественной науки и НИОКР, но и НЧК всего ОПК, более того, приобретения им ли-

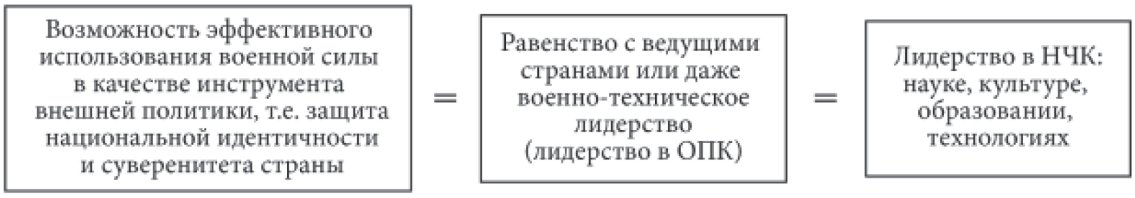


Рис. 11.

дерских позиций в мире. Отставание сегодня в 10 лет скажется на отставании в будущем уже на десятки лет. Можно говорить даже о тождественности этих понятий. Такое тождество условно можно изобразить следующим образом: рис. 11.

Понятно, что осознание такой тождественности должно происходить в элите и обязательно на высшем политическом уровне, где принимаются решения и делаются основные ошибки. Если, конечно, профессионально и нравственно правящая элита на это способна.

Кроме того, как известно, бюрократия воспроизводит саму себя. Собственно плохая элита и бюрократия в СССР и России воспроизводили себе подобных, из чего в итоге и получился нынешний кадровый потенциал ОПК и ВКО.

В последние десятилетия можно назвать, к сожалению, много политических ошибок, из-за которых в итоге пострадала вся нация и безопасность государства. И, конечно, их кадровый потенциал. Многие из них известны, многие еще нет, а значит их осознания до конца не произошло. Можно перечислить те из них, которые имеют прямое отношение к взаимосвязи кадрового потенциала, национального человеческого потенциала, ОПК и способности обеспечить стратегическую оборону. При этом многие ошибки граничат с преступлением, а некоторые — сохраняются и сегодня, но все они имели катастрофические последствия для кадрового потенциала страны:

Ошибка № 1. Недооценка падения фактора военной силы во внешней политике государств, «демилитаризация» внешней политики. Это выразилось в развале ОВД, односторонних уступках в Европе, нарушающих все прежние международные договоренности, ликвидации целых классов оружия, нападках на армию и силовые структуры, бесконечные реформы МО, СВР, ФСБ, других служб и т.д. Это — политические ошибки и преступления, которые привели в итоге к формированию крайне низкого по профессиональным и нравственным характеристикам кадрового потенциала МО, ОПК и, естественно, ВКО. Примеров — не счесть, но все они являются лишь частным подтверждением этой устойчивой тенденции.

Ошибка № 2. Ликвидация научных основ прогнозирования, планирования и мониторинга международной ситуации как в системе МО, СВР, так и институтах РАН, «вышибание» мозгов из фундаментальной науки под предлогом ее экономизации и коммерциализации. Сворачивание фундаментальных исследований под псевдопредлогом необходимости их избавления от государственного финансирования, а в целом фактической ликвидации социогуманитарных отечественных исследований.

Ошибка № 3. Уничтожение отраслевой и прикладной науки, отечественных НИОКР под предлогом «более эффективной» политики внешних технологических заимствований, преувеличения роли заимствованных технологий в модернизации страны. Фактически было уничтожено как среднее, так и начальное профессиональное образование, что привело к тому, что во втором десятилетии XXI века в российской обрабатывающей промышленности почти не осталось профессиональных техников и рабочих. Для отечественного ОПК эта проблема превратилась в трагедию: нужны годы и средства, чтобы исправить эту ошибку.

Ошибка № 4. Игнорирование приоритетов развития НЧК на всем протяжении последних десятилетий, что проявляется не только в демографии, образовании, но и науке, культуре, искусстве. В ВВКО и ОПК в целом могут работать только такие кадры, которые изначально обладают высоким качеством человеческого капитала, включая его культурную и научную составляющую. Причем, численность ОПК (порядка двух млн профессионалов) должна определяться во многом не только потребностями ВС и ОПК, но и базовым слоем образованных, культурных и креативных личностей, который для этого должен превышать потребности в 10–15 раз.

Зависимость уровня подготовки кадров ОПК от НЧК далеко не всегда принимается во внимание. В советские времена она даже иногда искусственно ограничивалась, что в итоге привело к изолированности ВПК от гражданской науки и в целом развития НЧК. Что не могло в конечном счете не сказаться на эффективности самого ОПК. При М. Горбачеве и Б. Ельцине в обрабатывающих отраслях кадровый уровень ОПК России был доведен до общероссийского уровня, т.е. понижен в несколько раз. Если сегодня можно говорить о том, что уровень обрабатывающей промышленности РФ вряд ли превышает 30% от уровня РСФСР 1990 года, то кадровый потенциал (который в оборонке был существенно выше) ОПК сегодня в целом упал в 9–12 раз.

В свою очередь, НЧК определяется многими, в т.ч. невоенными факторами, вес которых разными авторами оценивается по-разному. Невоенные факторы развития НЧК в любом случае неизбежно сказываются на потенциале ОПК, но далеко не всегда это осознается и признается. Так, исследователь этой проблемы Ю. Корчагин, например, описывает эту ситуацию следующим образом[52] рис. 12.

Как видно из рисунка, развитие НЧК зависит во многом от уровня и темпов развития множества факторов, в том числе неэкономических, что полностью подтверждается современными реалиями. А они таковы: на Россию, например, приходится 2% мирового финансирования науки, а ее доля в ВВП страны вырастет до 1,8% только к 2015 году[53]. При этом главной проблемой российского ОПК по-прежнему остаются кадры, т. е. НЧК.

Причин множество, но большинство из них общероссийские. Так, молодые ученые и аспиранты изначально поставлены в невыносимые материальные

Источники формирования национального человеческого капитала

Рис. 12.

условия, которые ведут к вымыванию из науки целых поколений исследователей. То же самое происходит и среди техников и рабочих. Ситуация в кадрах исправляется медленно.

К сожалению, в обрабатывающей промышленности России в целом и сегодня существует стагнация. И это во многом предопределяет уровень развития российского ОПК, который уже не может, как в советские времена, развиваться изолированно от отраслей обрабатывающей промышленности.

В самых передовых областях ОПК это особенно заметно. Хорошо видна эта зависимость на примерах неудач Роскосмоса. Космонавт Г. Гречко следующим образом описал ситуацию в космической отрасли, которая характеризуется, коротко говоря, провальной политикой в развитии НЧК: «Началось это все с приватизации. Как только наши предприятия превратили в акционерные общества, их руководителей стало больше интересовать, как бы выкачать побольше денег, а не то, как бы лучше делать космические продукты. И они очень быстро уволили самых опытных пожилых специалистов. И проектировщиков, и инженеров, и техников, и рабочих. Потом набрали молодых, неопытных. Прошло столько лет, подготовки рабочих нет по-прежнему. Я нарисую самую лучшую в мире ракету — а кто будет точить, кто будет творить, кто будет работать на станках? Их же теперь не готовят…»[54]

По сути дела эта убийственная и точная характеристика развала НЧК в отдельной, космической отрасли относится ко всему НЧК ОПК. И ВКО не может являться исключением. Восстановление НЧК ВКО, как и НЧК ОПК, необходимо начинать с восстановления всех факторов и институтов развития НЧК ВКО — от ПТУ, где готовят профессиональных рабочих, до КБ и фундаментальной науки. Только восстановлением отдельных звеньев кадров, отвечающих за оборонные НИОКР, не ограничиться.

Необходимо восстановить всю технологическую цепочку — от верхнего военно-политического эшелона, принимающего грамотные стратегические решения, и фундаментальной науки до технологий, организации производства и профессиональных училищ. Невозможно создать передовую ВКО, если в высшем военно-политическом руководстве на уровне президента, председателя правительства, министра обороны и начальника Генштаба не сформулирована четкая военная доктрина, стратегия национальной безопасности страны и Концепция ВКО, которые задают рамки, условия и импульс для высшего звена военно-политического управления.

Невозможно также развивать все необходимые направления фундаментальной науки и НИОКР, готовить всех специалистов и развивать все технологии, как это было в СССР. К сожалению, придется выбирать наиболее приоритетные и на них концентрировать основные ресурсы. Прежде всего кадровые. От высшего политического и военного уровня до исполнителей на самом низком уровне. Требуется кадровая мобилизация для наиболее приоритетных направлений. Прежде всего ВКО. Прав, безусловно, космонавт А. Леонов, когда говорил, что «…Фактически сейчас все повторяется: опыт старшего поколения потерян, и молодым приходится учиться на своих ошибках, и у них тоже ракеты не летят или летят не туда. Но Роскосмос сейчас не может наладить подготовку специалистов, рабочих, инженеров, техников, и поэтому, когда Медведев поручает Роскосмосу восстановить все то, что годами разрушалось, никому, кроме как самому себе, он это поручить не может. Если этим займутся Медведев или Путин, то шансы есть, а если будут поручать Роскосмосу, то нет»[55].

Основные проблемы развития НЧК ОПК

… осовременивание модели национальной идентичности в нашей стране совпало с поиском модели национальной модернизации…[56].

А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)

… ливановский подход к реформированию народного просвещения … не более, чем логическое продолжение общей идеологии рыночных реформ…[57]

А. Чадаев,
политолог

НЧК ОПК является составной частью НЧК страны и в современных условиях уже не может рассматриваться изолированно. Основные его показатели и характеристики могут быть определены следующим образом:

— НЧК ОПК является частью всего НЧК страны, которая не может развиваться как прежде, изолированно от всего человеческого потенциала. Фундаментальная и прикладная наука в ОПК все в возрастающей степени зависит от того, насколько быстро развивается и качественно совершенствуется фундаментальная и прикладная наука в гражданских областях;
— развитие ВиВТ в XXI веке является прежде всего следствием развития качества НЧК и технологий, а не автономным процессом, который ограничивается военными НИОКР;
— частные разработки ВиВТ в отдельных родах и видах ВС России также не могут развиваться автономно, вне связи с решением проблем НЧК страны и ОПК.

Общая принципиальная логическая схема взаимозависимости НЧК страны и НЧК ОПК и ВС выражена следующим образом: рис. 13.

Основные проблемы НЧК ОПК являются производными от более общих национальных проблем развития человеческого капитала и политики национальной модернизации. Отсюда вытекает и возможность, способность и вероятность их решения, зависящая прежде всего от решения общенациональных проблем. Эта зависимость — решающая. Силами МО, Генштаба, ВВКО и ОПК ее не решить. Она хорошо видна на примере формирования Военной доктрины страны, которая является продуктом размышлений, оценок и деятельности всей правящей элиты, а отнюдь не только той ее части, которая принадлежит к Вооруженным Силам страны. Соответственно, например, и частная Концепция развития ВКО, как производная от Военной доктрины, становится продуктом деятельности всей правящей элиты, который **зависит** прежде всего от качества НЧК. Таким образом, комплекс проблем НЧК ОПК является не просто производным от проблем НЧК всей страны, но и является производным от взглядов и решений военно-политического руководства России.

НЧК, напомним, является главным национальным ресурсом страны. Одновременно он является и главной целью развития нации. Подобная диалектическая взаимосвязь между «целью» и «средством» делает:

— исключительно важным значение НЧК, показатели которого определяют темпы развития экономики, ОПК, общественно-политической системы и КС страны;

Рис. 13.

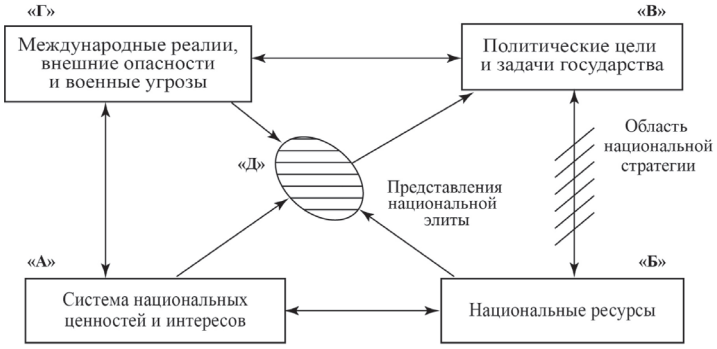


Рис. 14.

— НЧК как цель и средство во многом зависит от политики правящей элиты, которая принимает решение о развитии и использовании национальных ресурсов (средств), так и формировании политических приоритетов.

Это видно из известной логической схемы политического процесса (рис. 14).

Из этого рисунка ясно видно, что элита (подгруппа «Д») определяет цели и их приоритет на основе осознания национальных интересов и ценностей. Важно

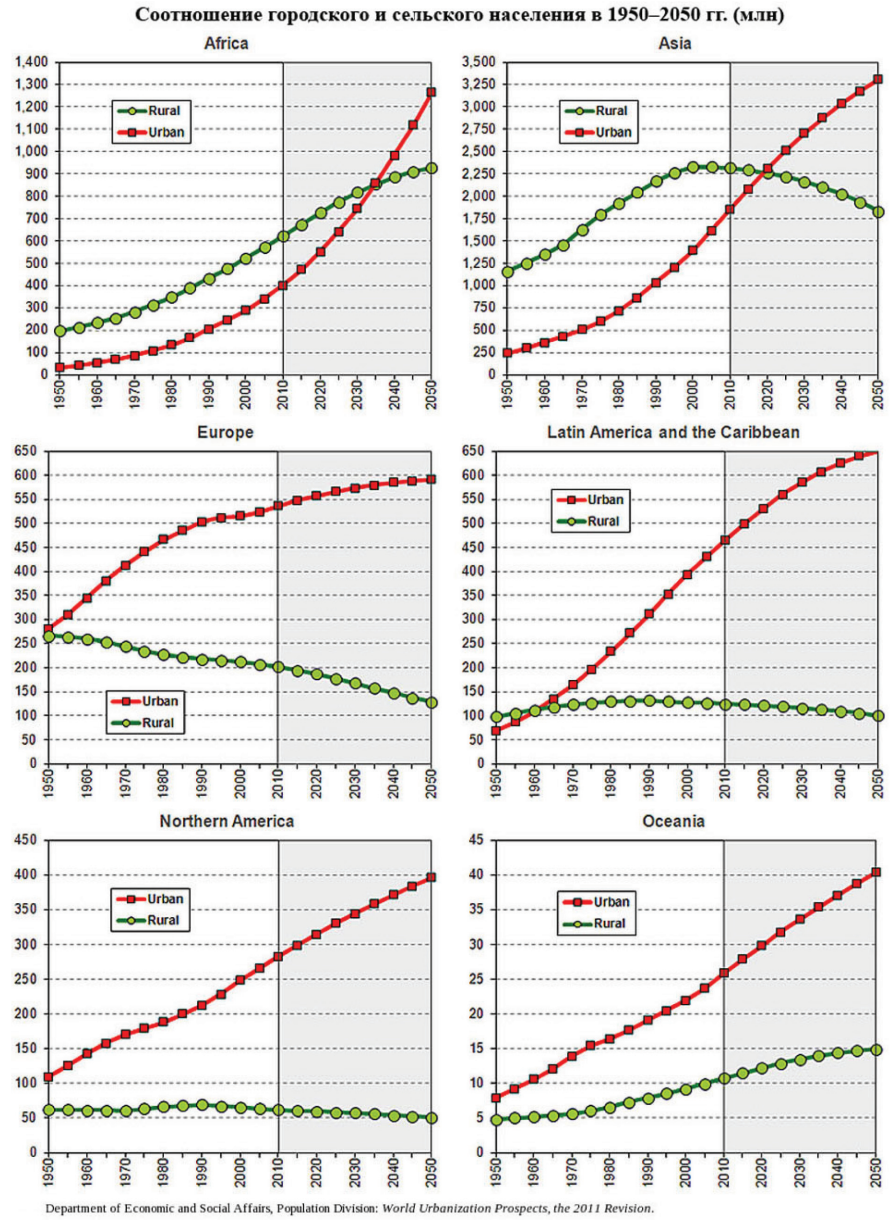


Рис. 15.[58]

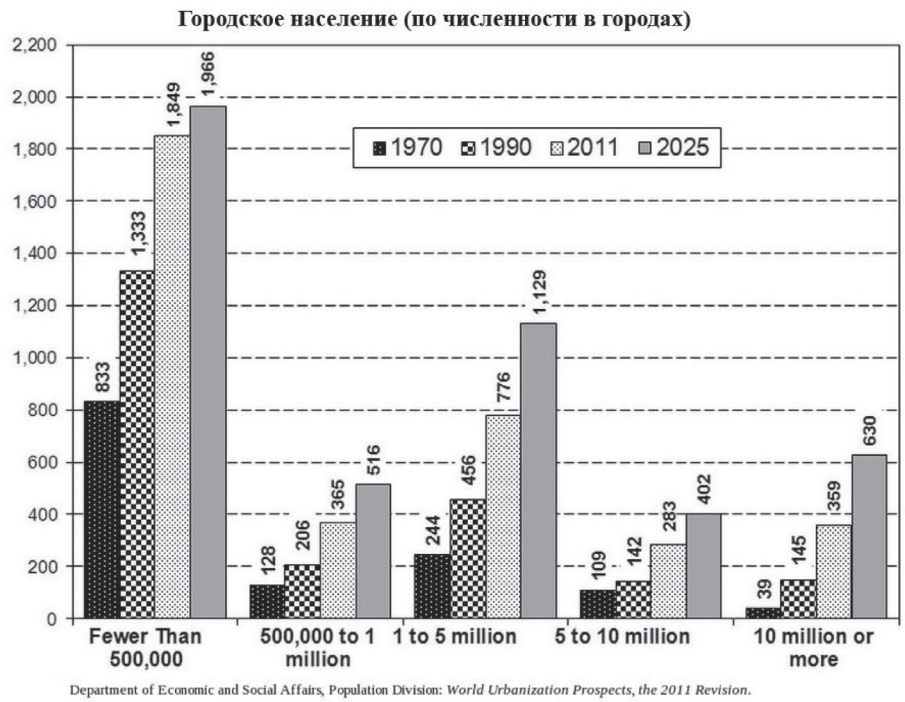


Рис. 16.[59]

подчеркнуть, что именно развитие НЧК должно быть **главной политической целью**, сформулированной элитой. Учитывая, что НЧК ОПК составляет до половины численности занятого населеня, приоритет в развитии НЧК ОПК становится очевидным.

Аналогичная ситуация складывается и с оценкой группы факторов «Б» (национальные ресурсы), где роль НЧК как главного ресурса уже со второй половины XX века не ставится под сомнение. Учитывая же растущую роль НЧК в будущем, как и соответствующую роль творческих социальных слоев, можно прогнозировать, что роль НЧК ОПК может быть объективно усилена по мере общего усиления роли НЧК в мире. Что иллюстрирует,

Рис. 17.[60]

например, прогноз ООН численности городского населения и крупных городов, как концентрации НЧК.

Надо понимать, что проблема количественно (за счет прироста населения или миграции) не может быть решена. Данные ООН свидетельствуют, что мы не можем обеспечить прирост населения ни за счет рождаемости, ни за счет миграции.

США объявили, что привлечение качественного человеческого потенциала является одним из важнейших национальных приоритетов.

Ситуация осложняется тем, что потенциальные противники — НАТО и Китай — объективно быстро увеличивают свой НЧК, в т.ч. и в ОПК.

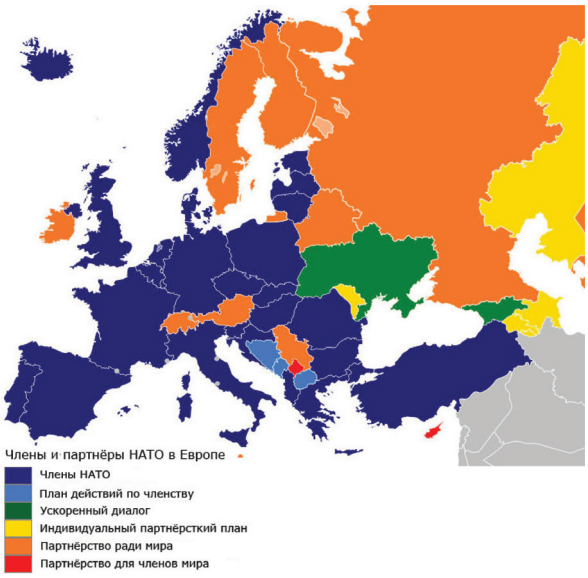


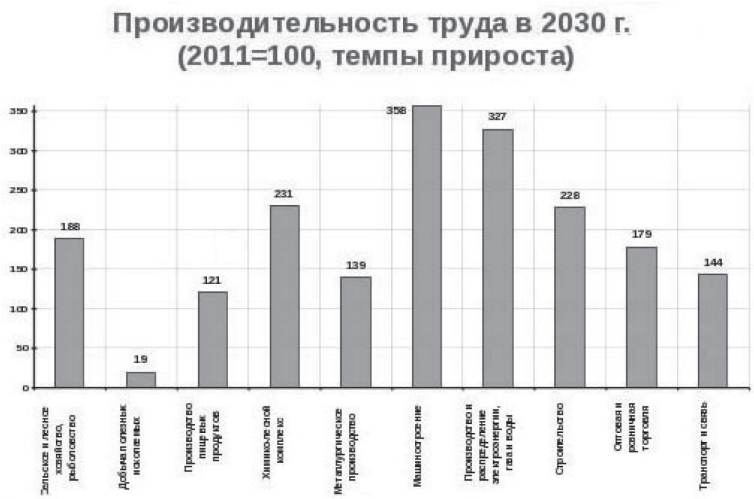
Рис. 18.[61]

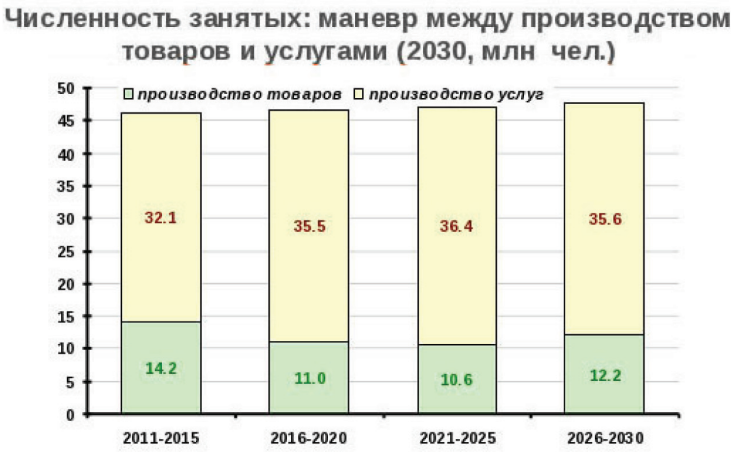
Основные проблемы НЧК ОПК, вытекают из нерешенности концептуальных общенациональных проблем, того «доктринального вакуума», который образовался в конце 1980-х годов, и до конца не преодолен сегодня. Действительно, прежде чем отвечать, какой НЧК ОПК нам нужен и какие в связи с этим стоят проблемы, необходимо ответить на следующие вопросы, в зависимости от ответов на которые можно будет решать проблему, НЧК ОПК и, в частности, такой сегмент, как НЧК ВКО:

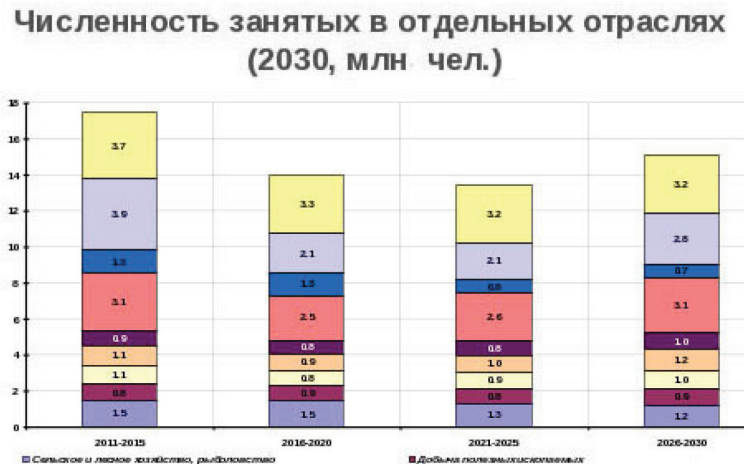
— ВКО охватывает всю территорию страны и территории стран союзников, либо отдельные районы страны?
— ВКО обеспечивает безопасность союзников, либо интегрируются системы ПВО СНГ?
— ВКО объединяет все системы ВВТ ПРО, ПВО, КО и т.д., либо только их часть. Если часть, то какую?
— ВКО с пространственной точки зрения отвечает за все высоты от двух м до 300 км, либо только за часть этих высот. Если за часть, то за какую?
— Система управления ВКО интегрирована с точки зрения управления с системой управления СЯС?
— Какие задачи в связи с этим стоят перед ОПК?
— и т. д., и т. п.

Вероятно, что ответы на эти вопросы, как и процесс дальнейшего реформирования ВКО будут даваться постепенно, хотя, как известно, не имея четко сформулированной цели, трудно выбрать оптимальный путь движения. Вот почему представляется, что ответы на доктринальные, общенациональные вопросы должны быть получены в максимально короткие сроки. От них в конечном счете зависит осознанность и эффективность движения.

Проблема первая. Опережающее развитие фундаментальной науки, НИОКР, культуры и образовании. Совершенно необходимо отказаться от неверной концепции модернизации, основанной на заимствовании внешних технологий и признать банальную истину, которая стала бесспорной еще с начала 1990-х годов, когда ООН признала в качестве ведущего фактора развития человеческий капитал, а именно: НЧК является для любой страны и в любое время основой для развития экономики и технологий. Внешние научные и технологические заимствования могут стать лишь дополнением, своего рода помощью для развития национальных экономик и технологий. Особенно когда количественные характеристики НЧК перестают играть определяющее значение.







В условиях России этот приоритет дополняется национальной спецификой — геополитическими реалиями Евразии, территорией, запасами природных ресурсов, историей, духовным и культурным наследием нации. Эти факторы стали уже решающими. Их надо не игнорировать, а максимально использовать в качестве конкурентных преимуществ. И прежде всего образование, культуру и науку, которые в XXI веке будут определять уровень национального технологического развития и безопасности.

В последние десятилетия предпринимаются усилия для исправления ситуации в научной области. Так, по оценке В. Путина, с 2002 по 2012 год финансирование науки выросло с 31 млрд руб. до 328 млрд, т.е.

Текущее состояние отраслей промышленности

Отрасли	Состояние	Сложность продукции
Промышленность в целом	стагнация	
Обрабатывающая	стагнация	
Производство и распределение электроэнергии, газа, воды	падение	
Добывающая	сильный рост	Сырье и относительно простая продукция на его основе
Пищевые продукты	стагнация	
Текстиль	слабый рост	
Кожа, обувь	стагнация	
Древесина	падение	
Целлюлозно-бумажная продукция, издания	падение	
Кокс, нефтепродукты	слабый рост	
Химия	стагнация	
Резиновые и пластмассовые изделия	сильный рост	
Прочие неметаллические минер. продукты	сильный рост	
Металлургическая продукция	слабый рост	
Машины и оборудование	сильное падение	Высокотехнологичная продукция
Электрооборудование	стагнация	
Транспортные средства	падение	
Прочая продукция	слабый рост	

Источник: Центр развития ВШЭ

более, чем в 10 раз, однако «провальные» 1990-е годы и растущие темпы развития науки в ведущих странах требуют еще больших усилий[62]. Сравнивать необходимые для науки инвестиции с уровнем 2002 года уже, наверное неверно. Тем более, что это финансирование не привело к прекращению оттока научных кадров: Россия единственная страна из числа развитых государств, в которой эта численность сокращалась, а не увеличивалась. Эта тенденция свидетельствует о том, что общие условия опережающего развития (в том числе в военно-технической области) еще не созданы.

Проблема вторая. Опережающее развитие обрабатывающих отраслей и внедрение новых технологий.

Разговоры об изменении структуры экономики страны в пользу обрабатывающих отраслей ведутся уже несколько лет, но остаются пока что только разговорами. Ни серьезные политические действия, ни экономические, ни финансовые шаги в реальности не предприняты, хотя, надо признать, на уровне деклараций приоритеты обозначены вполне конкретно. Даже на уровне федеральных, отраслевых и региональных долгосрочных концепций. Другое дело, что очевидно отсутствие практического результата. Давно уже пора сконцентрироваться на реализации этих планов и на создании эффективных механизмов как в финансово-кредитной политике, так и на изменении реальных экономических пропорций в пользу наукоемких отраслей.

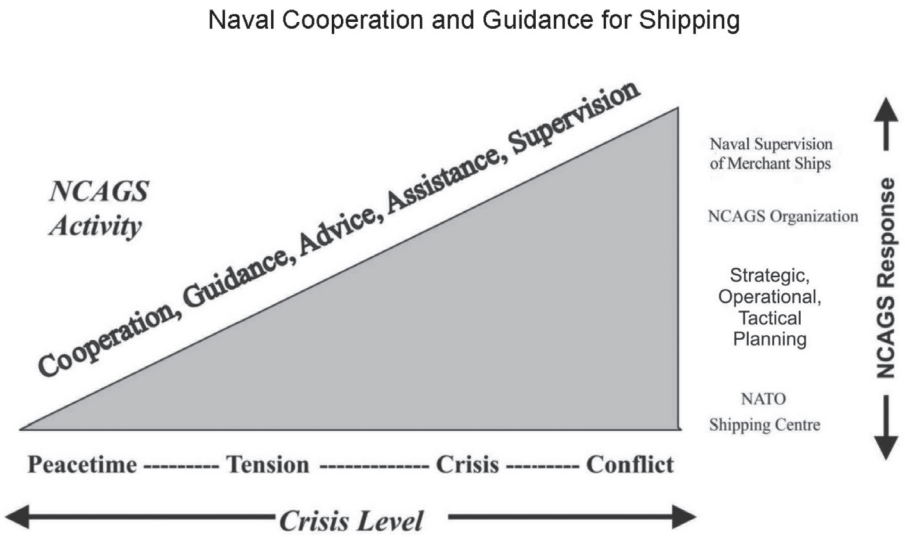


Рис. 19.[63]

По большому счету, как уже говорилось, развитие ВКО является производным от возможностей всего ОПК и обрабатывающих, прежде всего высокотехнологических отраслей промышленности, развитие которых, в свою очередь, предопределяется уровнем и темпами развития НЧК. «Вырвать» ОПК из этой взаимосвязи невозможно.

В XXI веке стало фактом: уровень развития науки и технологий в стране определяет уровень развития ВиВТ, а уровень управления — всей военной организации страны и ее ВС. Очень интересный пример в этой связи дает схема интеграции возможностей гражданских и военных судов стран-членов НАТО в случае нарастания напряженности и перехода ее в стадию военного конфликта.

Тем более невозможно успешно развивать отдельные отрасли, в т.ч. создающие ВВТ для ВКО. Сегодня же ситуация такова, что темпы развития в стране характеризуются стагнацией, что, естественно, отражается на всех наукоемких отраслях промышленности[64]. Это хорошо видно из оценок 2012 г.

Проблема третья: эффективность элиты и принимаемых военно-политических решений.

В области военной политики, стратегии и военного строительства, как, может быть, нигде ещё, огромное значение имеет качество принимаемых решений. Трудность в том, что требуются специальные знания «на стыке» политики, международных отношений, экономики, военного искусства и военной техники. Причем недооценка какого-то одного фактора, например, перспектив развития НИОКР в области космоса или неядерного высокоточного оружия или способов его использования отражается на качестве всей внешней политики, дипломатии (что было очень характерно для М. Горбачева, Э. Шеварднадзе, Б. Ельцина, А. Козырева и многих других).

Для принятия качественных военно-политических решений нужен очень высокий экспертный потенциал, способный к стратегическому прогнозу, планированию и оценке текущих действий. Причем этот потенциал не может концентрироваться только в одном ведомстве, будь то ГРУ Генштаба, СВР, Академия наук, ВПК, либо администрация президента или аппарат правительства. Нужен единый орган, куда входили бы и представители и министерств, и науки, и промышленности. Его рекомендации должны быть решающими аргументами как для ведения переговоров, так и для военного строительства.

Проблема четвертая: качество НЧК и возможности его реализации в экономике, обществе, и, в частности, в ОПК определяются во многом наличием и эффективностью институтов развития НЧК.

Развитие НЧК и его институтов, в свою очередь, определяется множеством невоенных факторов, включая, например, такие, как «подготовка элиты» и «развитие институтов гражданского общества»,

«воспитание», «образование», «культура» и «искусство». Прежде всего речь идет о всей военной организации РФ.

Речь идет о совершенствовании существующих, создании и развитии новых институтов НЧК — от РАН до ведомственных институтов, инженерных обществ, патриотических организаций, союзов и пр. К сожалению, когда говорят сегодня о развитии таких институтов, дискуссия и принимаемые решения сводятся только к политическим институтам и некоммерческим организациям (нередко группам по защите прав человека). На деле же ситуация иная: необходимо сознательно развивать и создавать такие институты, которые могут, в свою очередь, создавать, развивать и реализовывать НЧК. В том числе в ОПК и в ВКО. Пока что на протяжении десятков лет мы наблюдаем обратное: эти институты уничтожаются, деградируют, а новые создаются крайне редко (Российское историческое и географическое общество, ряд других примеров — не является еще тенденцией).

Между тем главное сегодня — это стимулировать творческий потенциал нации, максимально полно его реализовать. Для этого нужны общественные организации, СМИ, фонды, финансовые и общественно-политические инструменты.

Мы очевидно отстаем в этой области от развитых стран, где «креативный класс» производит уже основную часть прироста ВВП и является главной движущей силой развития науки, культуры, технологий. У нас эти социальные группы рассматриваются в лучшем случае как «болото», а в худшем — как потенциал для «Болотной площади».

В этой связи обращает на себя внимание растущая заинтересованность США в подконтрольном развитии процесса создания и развития таких институтов в России и странах Центральной Азии, где выделяются сотни миллионов долларов на поддержку американских стратегических приоритетов. Как отметил помощник Государственного секретаря США Р. Блейк-младший, выступая в Комитете по иностранным делам конгресса в июле 2012 года, только в Киргизии во время выборов 2010 и 2011 годов была профинансирована подготовка более 50 000 членов избирательных комиссий. В Казахстане за последние годы было вложено более 16 млрд долл. инвестиций из США, а в Узбекистане — возобновлены поставки вооружений и военной техники[65]. Очень показателен пример создания и финансирования МО США специального сайта «Центральная Азия» в объеме 4 млн долл. ежегодно.

Нередко развитие институтов социального потенциала имеет приоритетное значение, которое искажается современными политиками и исследователями. Суть проблемы заключается в том, что НЧК может быть эффективно использован только через его социальные институты, которые являются инструментами реализации НЧК[66].

В России, как известно, попытки внешнего влияния на политическую элиту встречают негативную реакцию. Тем не менее, например, в России существует организация, которая называется Московская школа политических исследований — МШПИ. С 1992 года она занимается «гражданским просвещением региональных лидеров». Согласно отчету за 2009 год, на тот момент было проведено 1600 семинаров, в которых приняли участие более 8000 человек. Свыше 70 выпускников стали членами российского парламента, более 200 воспитанников школы были избраны в региональные, городские и районные органы власти. В списке влиятельных выпускников школы фигурируют, помимо Владимира Рыжкова, несколько заместителей министров правительства страны, несколько десятков губернаторов, вице-губернаторов, мэров городов и глав региональных законодательных собраний.

Сам Дж. Сорос «впечатлен непрерывными усилиями школы по продвижению основ демократии», — с гордостью сообщается на сайте организации[67].

Надо отчетливо понимать, что роль таких институтов стремительно растет, а их влияние становится решающим. В том числе и на военную политику России. Если в обществе под влиянием чужих институтов сложится ошибочная система ценностей и представлений о национальных интересах (как это было в 80-е и 90-е годы XX века), то никакие достижения ОПК и ВКО не помогут. Да их и не будет. Вновь, сначала на общественном, а затем на политическом уровне возобладают ложные идеи и концепции, которые не просто девальвируют все усилия, но и приведут к очередному витку деградации.

Национальный человеческий капитал (НЧК) и «мягкая сила»

… нам следует отстаивать такой путь обновления страны, который основывается на преемственности российских исторических традиций и ценностей…[68].

А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)

В XXI веке сложилась прямая и уникальная взаимосвязь между тремя ключевыми концепциями, определяющими международную и военно-политическую обстановки (МО и ВПО);

— продвижением национальной системы ценностей и национальных интересов в другие страны, в том числе силовыми, но прежде всего невоенными средствами;

— использованием в этих целях инструментов «мягкой силы», которые являются во многом производными от масштабов и качества национального человеческого капитала (НЧК);
— использованием ради обеспечения этих целей военной силы, прежде всего средств воздушно-космического нападения и обороны как гаранта применения инструментов «мягкой силы» и продвижением своей системы ценностей и национальных интересов.

Все эти три концепции объединяет одна особенность: их реализация зависит от объема и качества НЧК, темпов его развития и соотношения с НЧК ведущих стран мира.

До недавнего времени основное (а, нередко, единственное) противоборство происходило между государствами, их целями и ресурсами (т.е. стратегиями реализации того и другого). Внешнее влияние оказывалось прежде всего на цели и задачи политики, принуждая государства к капитуляции или заключению необходимых договоренностей.

В XXI веке ситуация изменилась: основное влияние начинает оказываться, т. е. непосредственно на систему национальных ценностей и национальную элиту, а уже через них на национальные ресурсы и государственную стратегию. Очевидно, что при таких радикальных изменениях меняются и средства воздействия на потенциального противника. Такими средствами воздействия и инструментами влияния становятся инструменты «мягкой силы».

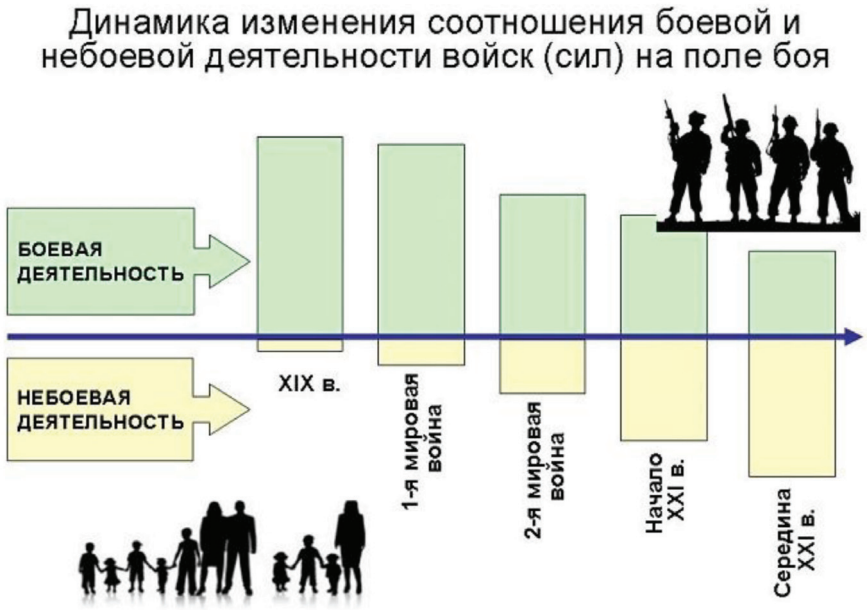
Другое приоритетное направление воздействия — непосредственное и самое основное влияние на деформацию правящей элиты. Все «оранжевые» и иные революции, включая переворот на Украине, предусматривали именно такое направление главного удара. «Правительственный квартал» в Киеве, в котором размещается администрация Президента Украины, Верховная Рада и другие института власти — стали объектом такого целевого воздействия. О нем, в свое время, писал ещё американский полковник Уорден. И именно эта схема стала основанием для приоритетов (рис. 20).

Главным инструментом продвижения системы ценностей сегодня таким образом выступает «мягкая сила», которая не только имеет больше форм применения, но и менее рискованна, особенно в отношении государств, обладающих ОМУ. Причем ее политические и материальные издержки минимальны по сравнению с прямым применением военной силы, а также сводит к минимуму риски, вытекающие из войн и военных конфликтов.

Действительно, военные конфликты и войны между сопоставимыми по своей военной мощи государствами очень рискованны. Особенно, если эти государства обладают ОМУ или современными ВиВТ. Даже военные действия против относительно слабых государств в XXI веке становятся опасными: потери вооруженных сил и гражданского населения в локальных конфликтах (Югославии, Ливии, Афганистане, Иране и др. странах) за последние годы превысили сотни тысяч человек.

Поэтому собственно военной силе отводится роль прежде всего политическая — обеспечить «силовое прикрытие» применению «мягкой силы», не допустить соответствующей реакции противодействия со стороны противника. Но для того, чтобы эта политическая роль военной силы была эффективной, убедительной, такая военная сила должна

Рис. 20.



быть абсолютной. Собственно, в документах ВС США эта логика и не скрывается, более того, откровенно признается.

Таким образом, собственно военная мощь сама становится уже элементом «мягкой силы». Во-первых, потому что создает «силовой фон» ее поддержки, а, во-вторых, когда использует для этого свои информационные и иные ресурсы. Так, например, СЕНТКОМ финансирует некоторые, в т.ч. и гражданские информационные сайты, полицейские других стран могут обучаться (и в действительности уже готовятся) в специальных школах, а гуманитарные грузы доставляются военным транспортом. Иными словами, «мягкая сила» без «жесткой» силы вообще не существует ни в политическом, ни в психологическом смысле этого понятия.

Особенно это заметно, когда операции «мягкой силы» начинают дополняться военными средствами, например, подготовкой и вооружением оппозиции (как это было, в частности, в Афганистане, когда создавались вооруженные группировки талибов, а противники СССР и Афганистана оснащались «Стингерами»), воздушным прикрытием гражданских самолетов или караванов. Так что можно говорить в целом о такой силовой политике, когда граница между внешним «влиянием» и «военной силой» становится очень условна, прозрачна, а иногда просто отсутствует.

Особое значение имеет политическое измерение военной силы. В самом деле, государство может и не угрожать насилием, даже вообще не делать никаких резких заявлений, но другая-то сторона с самого начала знает, какими реальными военными возможностями располагает противник и что, в случае необходимости, он их может использовать. Причем, использовать с изначальной установкой на достижение военной победы.

В последние десятилетия политика развитых государств по продвижению своей системы ценностей сознательно усилилась, превратившись в их стратегию поведения, в том числе в международных отношениях. Прежде всего речь идет, конечно, о государствах с либеральной идеологией, которые рассматривают ее в качестве основы для выстраивания международной системы. Но не только. По большому счету все государства заинтересованы в продвижении своих ценностных систем как гарантии учета их национальных интересов, но далеко не все могут реально повлиять на формирование ВПО.

Человеческий потенциал в этом процессе становится главным инструментом «мягкой силы». Собственно говоря, сама структура человеческого капитала, где важнейшую роль играют **институты его развития**, — общественные институты, СМИ, партии, образовательные и научные школы и т.д. — является сама, как структурой «мягкой силы», так и набором инструментов этой «мягкой силы». Поэтому НЧК может быть разделен по своим функциям, отчасти совмещенным с военной силой, а нередко даже замещающим её.

Эта взаимосвязь между силовыми факторами вытекает и из другого очевидного факта: чем больше государству удалось сохранить свою систему ценностей, суверенитет и защитить себя от военно-политического давления, тем труднее использовать против него «мягкую силу». Иными словами, «мягкая сила» стала не просто продолжением «жесткой силы», но и успешно замещает ее. Они используются всегда вместе, а не одна вместо другой.

В последние годы очевиден политически декларативный рост влияния факторов и НЧК «мягкой силы» (soft power) во внешней и внутренней политике ведущих государств. «Арабская весна» (а до этого — Ирак, Афганистан и Югославия) — пример

того, как инструменты «мягкой силы» действуют в мире. Сирия, где «мягкая сила» постепенно дополнялась элементами «жесткой силы» (hard power), — другой пример. Уже немало примеров комбинированного использования в политике как «мягкой», так и «жесткой» силы, эскалации от первой ко второй (и обратно). Вообще формы вооруженной борьбы претерпели существенные изменения — от «простого» противоборства ВС двух или более держав к сложным гражданско-силовым и военным формам противоборства, о которых хорошо написали М. Хамзатов и И. Попов.

Нельзя забывать о том, что эффективность «мягкой силы» обеспечивается военно-политическими возможностями использования «жесткой силы» в прямой (военной) или косвенной (политической) форме. Более того, можно утверждать, что никакой эффективной «мягкой силы» не было бы вообще, если бы она не была подкреплена политическими, дипломатическими и военными силовыми возможностями государства (речь не идет, конечно, о большинстве государств, для которых нормальное информационно-культурное влияние не превращается в культурно-информационно-силовое).

Взаимосвязь между «мягкой силой» и другими силовыми инструментами внешней политики очень тесная, но далеко не всегда очевидная. Так, принятие конгрессом США «закона Магнитского» было своего рода не только ответом США на активизацию внешней политики России (прежде всего в Сирии), но и мобилизацией общественного мнения страны для реализации новых военно-экономических программ, в т.ч. в области СЯС и ПРО, требующих поддержки общественности, а также жестом в поддержку формирования российской оппозиции, которая «случайно» выступает против увеличения оборонных расходов вообще и на ВКО, в частности[69].

О масштабах этого влияния свидетельствует тот факт, что после принятия соответствующего закона об «иностранных агентах» МЭР оценил их потери, в результате прекращения иностранного финансирования только в 2013 году в 19 млрд руб. (На российские НКО Правительство России в этом же году планирует выделить только три млрд руб.)[70]. Подчеркну, что эта оценка достаточно скромная, не учитывающая многие каналы финансирования, в частности, региональных НКО, напрямую и опосредованно.

Примечательно в то же время, что для контроля за аналогичными действиями зарубежных правительств в Министерстве финансов США создано специальное управление, которое жестко следит даже за чисто коммерческими операциями иностранных агентов, ограничивая, если потребуется, любую деятельность, если она не находится под контролем федеральной власти.

В этом контексте отчетливо видны следы информационно-психологической войны против системы ценностей в России с сильным привкусом русофобии, которую нередко «не замечают» отечественные либералы. Это позволяет им, например, легко возвращаться к излюбленной теме «милитаризации России, проводимой режимом В. Путина». Еще более неприятно, справедливо отмечает, например, В. Юртаев, что многие талантливые соотечественники добровольно становятся проводниками русофобии на своей же Родине[71], противопоставляют творческую часть нации (ее НЧК) в качестве оппозиционного «креативного класса» — «консервативной». Это удивительно напоминает конец 1980-х, когда, разваливая КПСС, развалили институты власти и в конечном счете СССР, а заодно и российский ОПК. Совпадение этих тенденций очевидно и не случайно.

Алгоритм демонтажа государства - 1

ЗАИНТЕРЕСОВАННЫЕ ГОСУДАРСТВА
Формирование, информационная и юридическая поддержка т.н. оппозиции

Государство-объект агрессии

1. Длительное «выпячивание» внутренних проблем государства.
2. Организация любых антиправительственных выступлений населения.
3. Организация первых жертв (псевдожертв) среди демонстрантов.
4. Призыв к «мировому сообществу» не допустить геноцида правительством против народа.
5. Террор против представителей государственной власти.
6. Дискредитация и разрушение органов государственной власти в городах, районах, регионах страны.
7. Ухудшение экономического положения населения.

Алгоритм демонтажа государства - 2

Государство-объект агрессии

8. Организованное вооруженное сопротивление органам государственной власти.
9. Формирование миграционных потоков беженцев как внутри страны, так и за границу.
10. В случае жизнеспособности государства - организация гуманитарной катастрофы.
11. Призыв к действующим представителям законодательной и исполнительной власти государства к массовому переходу на сторону оппозиции.
12. Террор против представителей проправительственной интеллигенции.
13. Обвинения правящего режима в чрезмерной и неадекватно жесткой реакции правительства на «мирные» требования «населения».
14. Призыв к «мировому сообществу» признать антинародным и незаконным действующее правительство.
15. Признание и получение руководителями оппозиции права на зарубежные активы государства на фоне экономической блокады действующей власти.
16. Формирование «марионеточного» правительства.

Сказанное имеет прямое отношение к ВКО, ибо создание сильных позиций (а тем более превосходства) в области средств воздушно-космического нападения дает возможность эффективного использования «мягкой силы», а когда этого становится недостаточно, то и политического шантажа и, наконец, прямого применения военной силы.

Логическая цепочка такова: использование «мягкой силы» предпочтительно, но, когда этого недостаточно, наступает очередь шантажа (который тем эффективнее, чем эффективнее военная сила) и, наконец, — военной силы. Последняя форма влияния — «жесткая сила» (hard power) — сегодня во многом превратилась в применение высокоточных воздушно-космических средств ведения военных действий. Пример — проведенная Израилем военная операция «Облачный столб» и «Железный купол» в ноябре 2012 года — характерен как пример сценария возможной будущей войны, где основные средства нападения и защиты — высокоточные неядерные вооружения и средства защиты от них.

Влияние этих, казалось бы, косвенных факторов институтов НЧК на ОПК нельзя недооценивать. Именно они формируют политический контекст развития ОПК, формулируют степень и характер внешней угрозы и варианты ее нейтрализации. Так, во многом именно благодаря сознательному воздействию «рыночной идеологии» на протяжении многих

лет разваливались фундаментальная наука и образование страны. Особенно разрушительной такая политика оказалась для гуманитарной области, в которой формируются идеи, образы, концепты и представления. Как признают ведущие российские ученые и специалисты в области образования, «из сферы общественного сознания постепенно, но последовательно вытесняется представление о культурообразующей роли гуманитарного знания»[72]. Не случайно, например, что в 2012 году на гуманитарные науки было выделено только 10% всех грантовых средств Минобразования страны.

Такое отношение, естественно, не могло не сказаться на общем уровне гуманитарных знаний, включая военную науку и связанные с ней дисциплины. По сути дела была разрушена система подготовки и обоснования военно-политических решений, что, конечно, не могло не отразиться на их качестве. Не только институты РАН и МО, но и государственные университеты свернули подготовку кадров и исследования по этой тематике. Соответственно и уровень дискуссий в СМИ упал до предельно низкой отметки, когда «экспертами» стали выступать лица, некомпетентные в военно-политической проблематике.

Между тем информационные возможности воздействия на аудиторию у США и их союзников постоянно возрастали. В особенности с появлением и распространением электронных СМИ и Интернета. Сегодня около 44% всех интернет-пользователей мира приходится на Азию, из Европы — порядка 23% пользователей, из США — 13%, а каждый десятый интернет-пользователь был жителем Латинской Америки. Сегодня в мире насчитывается свыше четырех миллиардов цифровых телекоммуникационных устройств, к которым подключено более 1,6 млрд пользователей. В этих условиях с Интернетом объективно связывается, с одной стороны, формирование

Типовые элементы информационной войны «оппозиции»

- Сообщения о массовых мирных демонстрациях, жестоко подавляемых режимом.
- Утверждения о триумфальном вступлении «революционеров» в те или иные города.
- Заявления о массовом переходе на сторону оппозиции частей и подразделений правительственных войск и о готовящемся (или уже произошедшим) бегстве из страны «кровавого диктатора».
- Демонстрации в поддержку законной власти преподносятся как протест населения против политики властей.
- Периодические заявления о зверских расправах представителей власти над невинными людьми, часто - несуществующими в природе.
- Социальные сети используются в организационных целях для распространения сведений, где и когда демонстрантам следует собираться, какими будут маршруты следования, надо ли быть готовыми к столкновениям с полицией и т.п.
- Попытки полиции и армии воспрепятствовать дестабилизации обстановки преподносятся как война на уничтожение мирного населения.

и диверсификация многих социальных процессов. С другой стороны, особую актуальность приобретает собственно регулирование отношений в области Интернета, против чего категорически выступают США[73].

Как следствие, общественное мнение в России оказалось чрезвычайно уязвимым не только для дезинформации и прямого обмана, но и — в итоге — для принятия военно-политических решений. Тезисы о России, как «Верхней Вольте с ракетами», «Континентальной державе, которой не нужен ВМФ», готовности «допустить расширение НАТО до Москвы» и т. д. не просто прочно вошли в обиход СМИ, но и часто звучали с трибун Госдумы, Совета Федерации, правительства. Подобные непрофессиональные, идеологически ангажированные выступления политиков и экспертов продолжаются и сегодня. В них достаточно отчетливо видна стратегия, которая привела в свое время к деградации НЧК и развалу ОПК. Здесь справедливо звучат слова известного французского эксперта, генерала в отставке Ж.-Б. Пинателя: «Опытные политологи, которые основываются в своих размышлениях исключительно на фактах, избавляясь от идеологических установок и предвзятого отношения, могут предвидеть значительные изменения в системе международных отношений еще задолго до того, как они проявятся на деле»[74].

И наоборот. Идеологизированные либеральные политологи формировали (и, к сожалению, продолжают формировать) общественное мнение в России сознательно, не основываясь на фактах. Влияние этого мнения сказалось и на высшем политическом руководстве страны, которое многие годы проводило разрушительную и антинациональную внешнюю и военную политику, издержки и влияние которой ощущаются и сегодня.

Есть и прямое политическое влияние, в том числе и на развитие целых видов и систем оружия. Так, «ассиметричная» концепция ответа на американскую стратегическую оборонную инициативу (СОИ) в 80-е годы XX века привела в конечном счете к свертыванию ряда направлений работ по ПРО СССР–России. Внешняя политика М. Горбачева привела к отказу от взаимосвязи СНВ и ПРО, ликвидации целых классов и систем оружия. И, наоборот, отказ США в 2002 году от Договора по ПРО от 1972 года привел к активизации американских НИОКР по ПРО и ПВО.

Таким образом, США активно внедряются не только в российскую элиту, но и в Центральную Азию и вкладывают крупные ресурсы, создавая по сути дела с помощью «мягкой силы» для себя благоприятную внешнеполитическую и внутриполитическую обстановку. При этом, участвуя и направляя развитие НЧК этих государств и его институтов, важно понимать, что эти инвестиции и усилия будут защищаться, в т. ч. с помощью военной силы. Прежде всего, как показали последние десятилетия, с помощью высокоточного оружия — КР, ЛА, средств РЭБ и других новейших технологий.

Понятно, что уже сегодня эти усилия направлены на сокращение политического, экономического и гуманитарного влияния России на государства Центральной Азии, о чем свидетельствует, например, выход Узбекистана из ОДКБ летом 2012 года, но, главное, поддержка продолжающейся ставки национальных элит на «разновекторность» внешней политики.

Таким образом, развитие ОПК и ВКО невозможно выделить из общей тенденции развития НЧК и его институтов, а также взаимосвязанности этих процессов на евразийском пространстве. Влияние на развитие НЧК отдельных государств, безусловно, сказывается на их ОПК и военно-техническом со-

Тактические приемы начального этапа демонтажа государства

- Шествия, голодовки, беспорядки и акты вандализма.
- Террор против представителей силовых структур.
- Организация хаоса в государственном управлении.
- Организация массовой миграции населения и появления лагерей беженцев:
  - террор против населения с целью развязать в нем межконфессиональную войну или войну по любому другому признаку;
  - диверсии на объектах электро- и газоснабжения населения;
  - уничтожение продовольствия в том или ином районе страны.
- Нападения на силовые структуры из густозаселенных районов (в густозаселенных районах).
- Уничтожение промышленного потенциала государства, что в условиях внешнего эмбарго ведет к снижению боевых возможностей силовых структур.
- Запугивание (уничтожение) представителей проправительственных СМИ и духовных лидеров.
- Жестокие карательные операции против членов семей представителей силовых структур и других органов законной власти.
- Уничтожение потенциала силовых структур «распылением» их усилий по территории всей страны и последовательным массовым уничтожением мелкими группами отдельных подразделений войск.

трудничестве. В послевоенные годы, например, когда усилия СССР были сконцентрированы на реализации двух суперпроектов — носителях ядерных боезарядов (С. Королев) и ядерных боеприпасах (И. Курчатов), — казалось возможным вычленить ОПК из всего потенциала НЧК, но сегодня такая автономность ОПК уже невозможна — слишком сильно воздействие НЧК, определяемое в том числе и сугубо «гражданскими» факторами. Тем более, если речь идет об интеграционных — политических и военных — процессах и военно-техническом сотрудничестве. Это же означает, что успешное развитие ВТС, в частности, в области ВКО, возможно только при наличии программ развития НЧК и его институтов евразийских государств в особенности в области гуманитарного сотрудничества.

ВТС как инструмент развития НЧК Евразии

Изменения, которые происходят в мире, беспрецедентны по своим масштабам и приведут к новой расстановке сил[75].

С. Лавров,
министр иностранных дел РФ

В настоящее время существующие механизмы евразийской интеграции не могут обеспечить необходимой динамики этого процесса. Вот почему необходим поиск новых инструментов и их активизация. Важнейшим из них должен стать процесс формирования НЧК Евразии как совокупности систем ценностей, национальных и региональных интересов, превращающих этот процесс в **единую идентичность**. Одним из таких конкретных инструментов должно стать военно-техническое сотрудничество евразийских государств, прежде всего в области ВКО.

Расширение военно-технического сотрудничества (ВТС) предполагает, что в современный период государства достигли высокой степени политического доверия, а их национальные интересы не противоречат друг другу. Этот классический аспект ВТС всегда оставался прерогативой государства и к определенному периоду развития международной и военно-политической обстановки (МО и ВПО) достиг абсолютного значения, т.е. превратился в прерогативу исключительно государства.

Вместе с тем в последние десятилетия ВТС в некоторых областях, таких, например, как ВКО, стал синонимом безопасности и даже суверенитета того или иного государства. Сотрудничество в области ВКО превратилось в политический фактор, который становится решающим уже не только для обеспечения военной безопасности, но и суверенитета страны. В ряде случаев (как, например, конфликте в Ливии или Сирии) от эффективности систем ПВО и ПРО прямо зависело сохранение политического режима и власти в стране.

В последние годы возросло значение ВТС, которое занимает существенное место, фактически охватывая большую часть торговли обрабатывающих отраслей. И эта доля все последние годы увеличивается, превращаясь в существенную часть экспортной выручки.

Вместе с тем нельзя абсолютизировать экономическое значение ВТС, которое всегда и во всех странах регулируется политическими интересами и специальными органами.

Кроме того, в последние годы ВТС превратилось во влиятельный инструмент «мягкой силы» и развития научного, образовательного и иного гуманитарного сотрудничества, чье значение пока что недооценивается. В частности, сотрудничество в области ВКО с другими странами:

— обеспечивает ограниченность использования военной силы в качестве средства обеспечения эффективного использования «мягкой силы», дает руководству государств больше самостоятельности и возможности противодействовать гуманитарной агрессии;
— содействует развитию научного, технологического и промышленного потенциала страны, развивающей ВТС, включая такие области, как образование, управление, внедрение новых технологий и т.д.;
— укрепляет долгосрочные экономические и военно-политические связи между государствами, выстраивая их на длительную и взаимообязывающую перспективу.

В конечном счете получается, что ВТС с различными государствами укрепляет международную стабильность и суверенитет тех стран, которые самостоятельно не могут защитить себя в качестве полноправных субъектов МО и ВПО. Таким образом, хотя ВТС или «торговля оружием» всегда было преимущественно внешнеполитическим, а не экономическим, а тем более социальным инструментом политики, роль такого сотрудничества в XXI веке существенно изменилась. Важное значение стала играть уже не только политическая целесообразность и экономическая выгода (в т. ч. компенсация серийных продаж в интересах долгосрочных НИОКР), а приоритеты внешней политики, вытекающие из внешнеполитической стратегии, и гуманитарные аспекты. Применительно к такой ключевой теме, как евразийская интеграция, например, это означает, что долгосрочные цели интеграции должны предопределять условия ВТС, а не наоборот. Экономическая

целесообразность должна уступить место геополитическим расчетам.

ВТС между странами, как известно, предполагает не только куплю–продажу ВВТ, но и сервисное обслуживание, подготовку кадров и наличие высокого уровня политического доверия между странами. Все эти области НЧК, где пока что Россия находится более в выгодном, чем США, Китай и другие страны положении, в силу исторических и культурных связей, языка и истории.

Этот аспект ВТС нельзя недооценивать при создании евразийской ВКО потому, что по сути он является одной из эффективных форм «мягкой силы» России на всем континенте. Причем, не только по отношению к государствам-членам СНГ и ОДКБ, но и другим странам.

Отдельная тема — возможность сотрудничества по проблеме евразийской ВКО в Евразии и АТР, где, с одной стороны, приходится говорить о слабости, даже утере позиций России, а, с другой — о появившихся новых потенциальных возможностях.

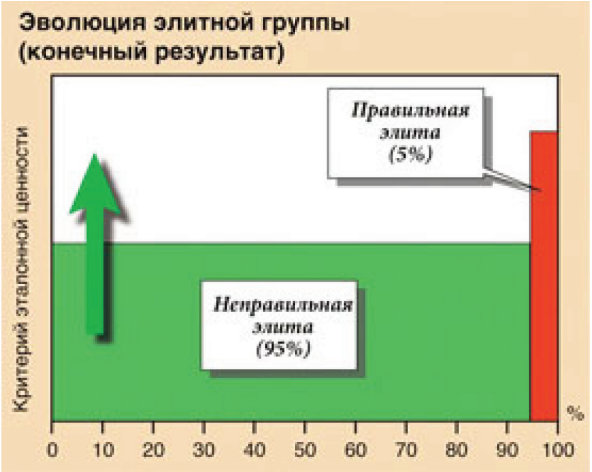
Редко пока что говорят о том, что в основе многих глобальных процессов, например, региональной интеграции, лежат военно-политические представления правящих элит о необходимой системе безопасности. На самом деле, успех европейской интеграции, например, объясняется не только и не столько экономической выгодой, сколько соображениями европейских государств о необходимости создания системы обеспечения европейской безопасности. Именно ВТС в Евразии может стать основой для запуска двух механизмов евразийской интеграции.

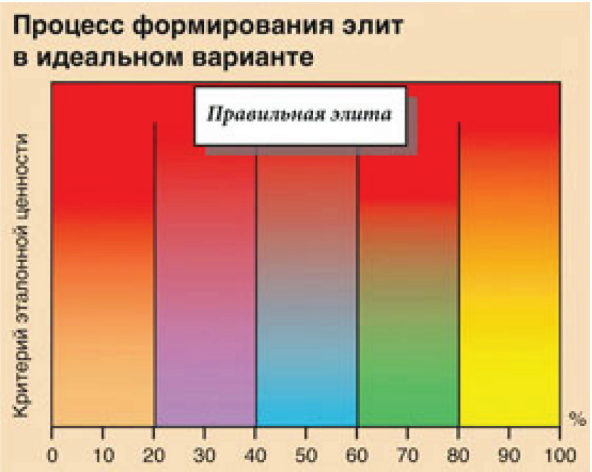
Во-первых, создания общего евразийского пространства безопасности, в т.ч. через укрепление суверенитетов отдельных государств и суверенности Евразии в целом. Реализация такого сценария позволит создать новое ощущение безопасности всех народов Евразии и их правящих элит, формирования на этой основе евразийской идентичности.

Во-вторых, этот механизм ВТС позволит повлиять на процесс формирования собственно правящих элит в евразийских государствах, прежде всего подготовку научных, педагогических, военных и политических кадров и их продвижение наверх по «евразийской» вертикали власти.

Пока что евразийские элиты формируются случайными и далеко не всегда совершенными механизмами, основанными как на традициях, так и на слепом копировании западных моделей. Это неизбежно ведет к их деградации, вырождению и созданию условий для усиления внешнего влияния. ВТС, как механизм формирования правящих элит, позволит не только улучшить их качество, но и уровень принятия решений, что, в свою очередь, позволит евразийским странам улучшить весь процесс государственного управления. В частности, как справедливо отмечает А. Кутлалиев, пока в схеме формирования элит господствует принцип «рекомендатель-претендент», «на практике она практически всегда приводит к вырождению элиты»[76].

Необходима процедура многоступенчатого отбора на всех … уровнях, которая обеспечивала бы сохранение элитных свойств. При этом организация такой процедуры должна быть жестко ориентирована на национальную систему ценностей и интересы. В противном случае в нее будет вмешиваться **внешнее влияние**, которое в конечном счете и возьмет под контроль процедуру организации выборов. Для России, например, вполне подходила бы процедура «выборщиков», т.е. отказа от прямого выбора того или иного кандидата.





Дивизон С-400 под Москвой

Понятно, что в век высокоточного оружия и систем ВКО безопасность обеспечивается прежде всего наличием этих средств. Но важно понимать и то, что еще эффективнее, когда эти системы создаются в рамках какой-то военно-политической коалиции. Что сегодня — приходится признать — является безусловным приоритетом США и их союзников по НАТО в Евразии и АТР.

Когда государства не могут (как Китай, Индия) самостоятельно создавать современные средства воздушно-космического нападения и защиты, то они вынуждены его покупать. Это относится к большинству государств, которые поставлены перед выбором приобретения таких средств у ограниченного числа государств — США, России, Франции, Германии, Израиля. Причем в комплексе средств ПРО–ПВО такие услуги могут обеспечить сегодня только США и Россия. Даже быстрое развитие Китая, Кореи и Японии пока что не позволяет отнести их к числу государств–лидеров в этой области.

Между тем идут не только процессы регионализации, но и обостряются региональные конфликты, численность и интенсивность которых уже превышает показатели XX века. В особенности, если речь идет о Северо-Восточной Азии и Китае, где наблюдается процесс обострения военно-политической ситуации. Именно поэтому значение ВТО и ВКО на континенте стремительно возрастает, что видно из структуры торговли оружием. Изучение взаимосвязи военно-политической ситуации на континенте, ее влияние на потенциал ВТС имеет огромное значение.

Существует несколько тенденций, которые ведут к нарастанию военно-политического противоборства в Евразии. Эксперты по-разному их оценивают, не отрицая, однако, их общей направленности. Так, ряд экспертов СВОП отмечали в декабре 2012 года: «… Это и общий курс на ренационализацию международных отношений, дестабилизация огромных регионов мира, в первую очередь «расширенного Ближнего Востока», обострение борьбы за ресурсы и территории, углубление вакуума безопасности от Ближнего и Среднего Востока до Восточной Азии. Усугубление соперничества в этих регионах, вероятно, приведет к росту там конфликтности. Большая война или серия войн на Ближнем Востоке более чем возможны. Медленно, но верно милитаризируется соревнование между двумя ведущими державами мира — США и КНР. Слабость Северной Кореи, которая рассматривает ядерное оружие в качестве единственного средства самозащиты, повышает опасность конфликта вокруг нее. Во все более сложной ситуации Япония, где по вполне понятным причинам все громче звучат голоса сторонников обретения ядерного статуса.

Наконец, опровергается и тезис о том, что с помощью применения вооруженных сил невозможно добиться политических целей. Хотя кампании в Ираке и Афганистане закончились фактическими поражениями инициаторов вторжений, в Югославии и Ливии Запад добился желаемого. В этой связи возникает справедливый вопрос о том, какие действительные цели преследовали США в Ираке и Афганистане и почему они в целом удовлетворены результатами? Ответ на этот вопрос может быть только один — стратегия дестабилизации не предполагает достижения традиционных целей — стабилизации на новом уровне.

В наибольшей степени на ренессанс военной силы работает общая дестабилизация международных отношений, прогрессирующее ослабление

институтов международного, надгосударственного управления, эрозия международного права, постановка под вопрос принципа суверенитета и территориальной целостности»[77].

В этой связи обращает на себя внимание мысль известного французского эксперта, Ж.-Б. Пинателя, чье авторитетное мнение, безусловно заслуживает внимания: «… позиция Вашингтона в отношении России объясняется стратегическими представлениями американцев, основанными на геополитической теории. Как рассуждали создатели этого учения, поддержание напряженности с Москвой делает невозможным создание стратегического альянса между Европой и Россией. Подобная связка поставила бы под угрозу игру в „противника-партнёра“ с Китаем, став сама стратегическим игроком, обладающим равной, а то и превосходящей мощью»[78].

Некоторые эксперты справедливо полагают, что ближайшее десятилетие станет десятилетием реализации политических амбиций Китая. Точнее — сотрудничества США и Китая в военно-политической области. По сути намечается опасная связка, когда мир (и уж точно — Евразия) может быть «поделен» между США и Китаем. В том числе и за счет России. То, что создается качественно новая ситуация в этом регионе подтверждают, например, и российские эксперты, полагающие, что «воссоединение Кореи, локомотивом которого должен стать Сеул, послужит основой для активизации российского Дальнего Востока и Сибири[79]. В немалой степени увеличиваются вероятность и качественно новые повороты политики Китая в отношении Индии, Мьянмы, Вьетнама, Индонезии и т.д.

Сотрудничество в области ВКО, безусловно, сможет стать политической и военно-технической основой не только для развития ВТС России в Азии, но и мощным толчком для политического и экономического сотрудничества со странами региона, которое, в свою очередь, может привести к ускорению развития восточных регионов России. Причем не только к созданию транспортных коридоров и освоения сырьевых ресурсов, но и к новой волне научно-технического сотрудничества и новой индустриализации восточных регионов страны. Это объективно будет противодействовать политике США по отношению к Китаю, которая ведет к созданию «двухполюсного» мира и разделу Евразии между этими странами. «Китай стал основным „противником–партнером“ США — отмечает Ж.-Б. Пинатель. — Роль же России в восприятии американских стратегов ограничивается положением регионального возмутителя спокойствия, оправдывающего существование НАТО»[80].

С точки зрения военно-стратегической, США считают, что проблема безопасности в АТР становится для них задачей номер один. Новая американская стратегия исходит из необходимости продолжения наращивания военных расходов (с 2000 по 2011 гг. они выросли с 300 млрд долл. до 700 млрд долл.), но оптимизирует их в зависимости от приоритетов. Прежде всего в воздушно-космической области. По оценке экспертов МГИМО(У), «…предполагается сосредоточение усилий на кибервойне и использовании беспилотных летательных аппаратов (БЛА). США сократят свой ядерный арсенал, а также пересмотрят свою роль в стратегии обороны в целом»[81], сделают его более эффективным и «используемым» инструментом внешней политики.

В этих условиях создание ЕвразВКО становится объективно необходимым не только для государств-членов СНГ и ОДКБ, но и других стран Евразии, заинтересованных в сохранении суверенитета и национальной идентичности, а ВТС может превратиться в мощный политический инструмент влияния России. Важно перевести отношение к ВТС как, пусть специальному, но экономическому элементу, в политическую плоскость. Это будет означать, в том числе, пересмотр критериев и условий реализации ВТС в Евразии.

---

1 *Путин В. В.* Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» // Российская газета. 2013. 19 октября.

2 Там же.

3 Составлено по: Регионы России и мира: информационно-картографический справочник / под общей редакцией В. Л. Манилова. М.: Межакадемическое издательство. «Вооружение. Политика. Конверсия», 2003. Цит. по: *В. Л. Мартынов*. Военная география мира в начале XXI века / URL: http://geo.lseptember.ru/view_article.php?id=200800904

4 Более подробно их можно прочитать в URL: http://worldcrisis.ru/crisis/

5 *Хазин М.* Нам нет, нет, нет альтернативы! Либерал-элита против Путина / Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2013. 27 января / URL: http://topwar.ru

6 Там же.

7 Кризис миропорядка и угрозы России и миру: Аналит.-обзоры РИСИ / под ред. П. В. Гребенникова, Д. Б. Рюрикова. — М.: РИСИ, 2012. С. 10.

8 *Пинатель Ж.-Б.* Россия — Европа: жизненно важный союз. Пер. с франц. М.: Книжный клуб 36.6, 2012. С. 26–27.

9 «Мистраль» — нелепая покупка экс-главы Минобороны США / Эл. ресурс: Евразийская оборона. 2013. 31 января / URL: http://eurasian-defence.ru

10 Техника для Минобороны должна производиться в России, считает Шойгу / Эл. ресурс: Военное обозрение. 2013. 25 января / URL: http://topwar.ru

11 Там же.

12 Вооруженные Силы Российской Федерации: модернизация и перспективы / под ред. И. Коротченко. М.: Национальная оборона, 2010. С. 279.

13 Цит по: *Терехова А.* В стране нашли записки трудовых ресурсов // Независимая газета. 2014. 28 февраля. С. 4.

14 *Торкунов А. В.* Современная история России в международном контексте // Вестник МГИМО(У). 2012. № 6 (27). С. 7.

15 *Цепляева Ю., Сонина Ю.* Россия: неформальная занятость как новый феномен / Доклад Центра макроэкономических исследований Сбербанка. М. 2014. С. 6.

16 См. подробнее: *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. М.: МГИМО–Университет, 2011, 2012. Т. I, II, III.

17 United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division / URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/trends/WPP2012_ Wallchart.pdf

18 Там же.

19 *Попов И. М.* Матрица войн современной эпохи // Независимое военное обозрение. 2013. 22 марта / URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2013-03-22/7

20 *Попов И.* Матрица войн современной эпохи // Независимое военное обозрение. 2013. 22 марта.

21 *Попов И. М.* Военные конфликты: взгляд за горизонт // Независимое военное обозрение. 2013. 12 марта / URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2013-04-12/1_conflicts.html

22 *Попов И. М.* Военные конфликты: взгляд за горизонт // Независимое военное обозрение. 2013. 12 марта / URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2013-04-12/1_conflicts.html

23 Army FY 2014 Budget Overview. April 2013. MG Karen E. Dyson. Director, Army Budget ...

24 См., например: *Пинатель Ж.-Б.* Россия — Европа: жизненно важный союз. Пер. с франц. М.: Книжный клуб 36.6, 2012. С. 10–11.

25 *Бжезинский З.* Россия не развивается, Путин неэффективен. 2013. 21 января / URL: https://mail.google.com/mail/u/0/?shva=1#inbox

26 См., например: *Пинатель Ж.-Б.* Россия — Европа: жизненно важный союз. Пер. с франц. М.: Книжный клуб 36.6, 2012. С. 57.

27 *Литовкин В.* Оборонка отбивается от «Мистралей» // Независимая газета. 2012. 5 декабря. С. 2.

28 *Черток Б.* Последнее интервью / Эл. СМИ: «Военное обозрение» / URL: http://topwar.ru/10096

29 *Литовкин В.* Оборонка отбивается от «Мистралей» // Независимая газета. 2012. 5 декабря. С. 2.

30 См. подробнее: *Подберезкин А. И.* Евразийская воздушно-космическая оборона как идея и проект // Вестник МГИМО(У). 2012. № 6 (27). Декабрь. С. 61–68.

31 *Башкатова А.* Отечественная экономика на автопилоте // Независимая газета. 2013. 30 января. С. 1, 4.

32 Россия в мире силы XXI века — силы денег, оружия, идей, образов // Тезисы к конференции СВОП 1–2 декабря 2012 г. С. 6.

33 *Аузан А. А.* Никто не хотел уезжать // Профиль. 2012. 5 ноября. С. 53.

34 Об этом подробно написано в книге *А. Подберезкина и М. Гебекова* «Национальный человеческий капитал на перепутье». М.: МГИМО–Университет, 2012.

35 Концерн ПВО «Алмаз-Антей» подписал соглашение о взаимодействии с Войсками ВКО / Центр военно-политических исследований. 2013. 23 января / URL: http://eurasian-defence.ru

36 Легендарный вертолет Ми-8, например, в разных модификациях существует более 50 лет, и, как говорят специалисты, ресурс его модернизации не будет исчерпан еще десятки лет.

37 *Путин В. В.* Послание Президента Федеральному Собранию. 2012. 12 декабря / Сайт Президента России / URL: http://президент.рф/news.17118

38 *Торкунов А. В.* Рецензия на книгу А. А. Яника «История современной России: истоки и уроки последней российской модернизации (1985–1999)» / URL: http://mhf.su

39 URL: http://www.globalfirepower.com/total-population-by-country.asp

40 URL: http://www.globalfirepower.com/available-military-manpower.asp

41 URL: http://www.globalfirepower.com/active-reserve-military-manpower.asp

42 Главный источник SIPRI Yearbook 2013. Список стран по военным расходам / URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%EF%E8%F1%EE%EA_%F1%F2%F0%E0%ED_ %EF%EE_%E2%EE%E5%ED%ED%FB%EC_%F0%E0%F1%F5%EE%E4%E0%EC

43 URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%EF%E8%F1%EE%EA_%F1%F2%F0% E 0%ED_%EF%EE_%E2%EE%E5%ED%ED%FB%EC_%F0%E0%F1%F5%EE%E4%E0%EC

44 *Сафронов И.* Минобороны рассчиталось на первого–десятого // Коммерсант. 2013. 30 января. С. 1–2.

45 Стратегия инновационного развития Российской Федерации до 2020 года. Утверждена распоряжением ПР от 8 декабря 2011 г. № 2227р. С. 4.

46 Там же.

47 См. подробнее: *Подберезкин А. И.* Евразийская воздушно-космическая оборона. М.: МГИМО–Университет, 2013.

48 *Михайлов А., Бальбуров Д.* ВВС России остались без учебных истребителей // Известия. 2013. 30 января. С. 5.

49 *Володин А.* Хитросплетения реформы военного образования: Сердюкова нет, что дальше? / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2013. 11 января / URL: http://topwar.ru

50 *Путин В. В.* Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. 2012. 20 февраля. С. 1.

[51] Там же.

[52] *Корчагин Ю. А.* Человеческий капитал в вопросах и ответах / URL: http://www.lerc.ru/articles/0003/0020

[53] *Наумов И.* Отечественную науку поднимут грантами // Независимая газета. 2012. 30 октября. С. 4.

[54] *Гречко Г.* Что с Роскосмосом ни делайте – никакого улучшения не будет. 26 октября 2012 г. / URL: http://ru-universe.livejournal.com/

[55] *Кунле М.* Что с Роскосмосом ни делайте – никакого улучшения не будет» // Известия. 2012. 5 октября. С. 9.

[56] *Торкунов А. В.* Современная история России в международном контексте // Вестник МГИМО(У). 2012. № 6 (27). С. 8.

[57] *Чадаев А.* Ярлык на реформы // Известия. 2013. 30 января. С. 9.

[58] United Nations, World Urbanization Prospects, the 2011 Revision / URL: http://esa.un.org/unpd/wup/Analytical-Figures/Fig_6.htm

[59] United Nations, World Urbanization Prospects, the 2011 Revision / URL: http://esa.un.org/unpd/wup/Analytical-Figures/Fig 4.htm

[60] United Nations, DESA - Population Division, World Population Prospects: The 2012 Revision Диаграмма построена по данным / URL: http://esa.un.org/unpd/wpp/ SpecialAggregates/EXCEL_FILES/1_Economic/Migration/WPP2012_SA1_MIGR_F2_NET_NUMBER_0F_MIGRANTS.XLS

[61] Организация Североатлантического договора / URL: http://upload.wikimedia.org/wikimedia/commons/thumW5/56/NATO_affiliations_in_Europe.svg//90px-NATO_affiliationsjn_Europe.svg.png

[62] *Александров И.* 328 миллиардов на науку // Российская газета. 2012. 1 ноября. С. 3.

[63] Navak Cooperation and Guidance for Shipping (NCAGS) Manual Guide to Owners, Operators, Masters and Officers / URL: http://nsa.nato.int/nsa/zPublic/ap/atp-02(b)v02c02.pdf

[64] *Куликов С.* Экономика России катится к стагнации // Независимая газета. 2012. 1 ноября. С. 4.

[65] Помощник Госсекретаря США Роберт Блейк — о концепции присутствия США в Центральной Азии / Эл. ресурс «Новости Ферганы». 2012. 27 июля / URL: http://www.fergananews.com/article

[66] См. подробнее: *Подберезкин А. И.* Социальные институты реализации НЧК / Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. М.: МГИМО–Университет, 2011. Т. 3. Кн. 2.

[67] *Чайковский А.* НАТО уже в Ульяновске? / В кн.: НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012. С. 123.

[68] *Торкунов А. В.* Современная история России в международном контексте // Вестник МГИМО(У). 2012. № 6 (27). С. 8.

[69] *Крашенинникова В.* Двойной удар по России // Российская газета. 2012. 11 декабря. С. 8.

[70] *Шепелин И., Черных А., Рождественская Я.* Американские НКО перешли в отступление // Коммерсант. 2013. 30 января. С. 1, 4.

[71] *Юртаев В.* Об уникальной живучести русофобии / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2013. 23 января / URL: http://topwar.ru

[72] *Савицкая Н.* Роковая ошибка министерства // Независимая газета. 2012. 4 декабря. С. 8.

[73] *Касенова М.* Глобальное управление интернетом в контексте современного международного права. / Индекс безопасности. 2013, № 1 (104). Т. 19. С. 43.

[74] *Пинатель Ж.-Б.* Россия — Европа: жизненно важный союз. Пер. с франц. М.: Книжный клуб 36.6, 2012. С.21.

[75] *Лавров С. В.* Пресс-конференция, посвященная итогам 2012 года. Цит. по: Эл. ресурс «Военное обозрение». 2013. 23 января / URL: http://topwar.ru

[76] *Кутлалиев А. Х.* Математический принцип выживания элит // Независимая газета. 2014. 4 марта. С. 14.

[77] Россия в мире силы XXI века – силы денег, оружия, идей, образов / Тезисы к конференции СВОП. 1–2 декабря 2012 г. С. 5.

[78] *Пинатель Ж.-Б.* Россия — Европа: жизненно важный союз. Пер. с франц. М.: Книжный клуб 36.6, 2012. С. 113–114.

[79] *Лабин Д.* В поисках стратегии успеха в Северо-Восточной Азии // Независимая газета. 2012. 29 октября. С. 3.

[80] *Пинатель Ж.-Б.* Россия — Европа: жизненно важный союз. Пер. с франц. М.: Книжный клуб 36.6, 2012. С. 98.

[81] *Лавров С. В.* Пресс-конференция, посвященная итогам 2012 года. Цит. по: Эл. ресурс «Военное обозрение». 2013. 23 января / URL: http://topwar.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительное слово Ректора МГИМО (У) МИД России А. В. Торкунова 3

Вступительное слово Генерального директора ОАО «Концерн ПВО „Алмаз–Антей“» Я. В. Новикова 5

Предисловие 7

Глава I.
Вопросы теории и методологии анализа внешних опасностей и военных угроз 13

Обоснование качественных и количественных показателей и критериев межгосударственной и внутригосударственной ВПО 14

Возможные методы долгосрочного прогноза значений количественных, качественных показателей и критериев ВПО 22

Оценка и прогноз внутренних факторов влияния и показателей на ВПО, внешние опасности и военные угрозы 33

Военно-политический стратегический характер современных внешних и внутренних военных угроз и возможный прогноз до 2030–2050 годов 37

Глава II.
Характер современных и будущих войн и военных конфликтов 45

Показатели и критерии, определяющие характер войн и вооруженных конфликтов 47

Прогноз, определяющий будущий характер войны 51

Эволюция военных способов и средств достижения военно-политических целей 56

Глава III.
Представления правящей элиты России о военной доктрине и международной безопасности в XXI веке 63

Национальная, государственная и международная безопасность: значение и роль военной доктрины 66

Место Стратегии национальной безопасности, военной доктрины России и планов военного строительства в Национальной стратегии России 71

Эволюция военной доктрины России в последнее десятилетие 81

Защита национальной идентичности и системы национальных ценностей как главная задача военной доктрины России 91

Главные существующие военно-политические угрозы России в представлении правящей элиты 97

Будущие военно-политические угрозы России: прогноз до 2030 и 2050 годов . . . 101

Современная и будущая военная политика России 111

Глава IV.
Основные сценарии и этапы развития ВПО в мире 119
Четыре основных сценария развития МО и ВПО в мире 120
Обоснование структуры сценариев текущей и прогнозируемой ВПО и стратегической обстановки 123
Сценарий дезинтеграции России и десуверенизации ее транспортных коридоров 129
Изменение значения Евразии для ВПО в мире и внешней политике России как важнейшее условие реализации всех сценариев 136
Базовый сценарий развития военной доктрины США 140
Сценарий завершения формирования западной военно-политической коалиции в Евразии 145
Позиция российской элиты как главное препятствие реализации атлантического сценария развития ВПО 149
Сценарий и этапы развития ВПО на основе процесса евразийской интеграции 152
Приоритет создания системы евразийской безопасности 156

Глава V.
Модели обеспечения международной и военной безопасности 161
Две противоположные модели обеспечения международной безопасности 162
Новые угрозы мировой и евразийской безопасности до 2030–2050 годов 166
Политические аспекты развития сценария евразийской интеграции и формирования будущей ВПО — как будущая модель безопасности 173
Евразийская военно-политическая интеграция — неизбежный политический выбор сценария развития ВПО для России 178

Глава VI.
Главная внешняя и внутренняя военная угроза России — отставание в развитии национального человеческого капитала 187
Военная мощь и национальный человеческий капитал 188
Наука как показатель государственной военной мощи, определяющий характер будущих войн 193
Значение НЧК в обеспечении безопасности страны 202
Творческий класс и НЧК 207
Развитие институтов НЧК России как средства противодействия внешним опасностям и военным угрозам 211
Неотложные меры развития НЧК России и его институтов 219

Глава VII.
НЧК как главное средство противодействия военным угрозам 225
Значение российского НЧК как средства защиты национальной системы ценностей и национальных интересов 225
Роль НЧК в развитии ОПК 231
Кадровый потенциал ВС и ОПК 239
Основные проблемы развития НЧК ОПК 247
Национальный человеческий капитал и «мягкая сила» 254
ВТС как инструмент развития НЧК Евразии 261

Научное издание

Подберезкин Алексей Иванович

Военные угрозы России

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
данная продукция маркировке не подлежит

Редактор *Т. Ф. Тищенко*
Компьютерная верстка *А. С. Туманова*
Художник *М. М. Петухова*

Подписано в печать 28.03.2014.
Формат 60x84⅛. Усл.-изд. л. 33,5.
Тираж 1000 экз. Первый завод 50 экз. Заказ №

Издательство «МГИМО–Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО(У) МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76